

84(2=632.1)

A285

А. Адаров

ГОДЪ И ЛЮДИ

ГОРНО-АЛТАЙСК 1962

107115 cc

СССР

А 28

А. Адаров

Годъ и люди

100000
 100000
 100000

Горно-Алтайская Областная
 Библиотека

ГОРНО-АЛТАЙСКОЕ
 КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Горно-Алтайск . 1962

23

БЕЛОЛИЦЫЙ БОГ

Э-э-э-эй, у-уу! — то удалялось, то вновь доносилось до Таай со звоном колокольчика. Потом возле нее кто-то появился в белом халате. «Ух, не забрал ли Ульгень-бог мою душу, чтобы унести ее на небо?» — подумала Таай и застонала.

— Бредит. Сейчас же на операцию, — сказал хирург сестрам. — Крепкая старушка.

Кто-то открыл дверь и позвал хирурга:

— Борис Сергеевич!..

— Нельзя, нельзя. Или вы родственник больной Чатпаковой?

— Я ее сын... Как она, доктор, поправится?

— Сейчас буду оперировать и, надеюсь, все будет хорошо. Вы согласны на операцию?

— Согласен. Только спасите ее.

В глазах Таай появилась девушка-шаман:

ка. Крутясь веретеном, стуча в бубен, звеня монистами, она заклинала: «Э-эй-эй! Три наших бога, три Алтая, давшие костям душу, голове волосы.. Э-эй!» — звенели нашитые на шапке монисты, крылья совы, маленькие колокольчики на рукавах и на спине.

Шаманка была очень красива, четкие черные брови закрывались монетами, черные глаза сверкали и мило улыбались. Метелью она кружилась вокруг нее и заклинала, то повышая, то понижая голос. Вдруг она присела около нее и стала царапать ей живот. Таай лежала, не в силах поднять и руки.

— Я сделаю из твоих кишок веревку. Хи-хи-хи! И буду заарканивать чертей, хи-хи-хи! — смеялась девушка-шаманка. Потом она исчезла, и снова появился белолицый человек в белой одежде — он словно вырос из туч и тумана. «Ульгень-бог, видимо, решил забрать мою душу», — с радостью подумала Таай, но, взглядевшись, увидела молодого русского парня в белой шапочке. Сама она лежала на высоком столе. Оглядевшись, она поняла, что лежит в больнице, но все-таки спросила:

— Где я? Кто меня сюда привез? Меня резали?

— Да.

— И изрезанной умирать? — она отвела глаза в сторону.

— Скоро выздоровеете, бабушка. Живот вам так зашили, что теперь оттуда не вывалится ни талкан, ни чай.

От этой шутки на душе у Таай посветлело.

— Во вторую палату, — сказал доктор.
«До чего только не додумаются эти русские», — подумала Таай.

Она впервые была в больнице и, рассматривая все вокруг, скоро уснула. Ей было без малого семьдесят лет, и ее лицо походило на высохшую кору лиственницы. Только бойкие глаза ее, с вызовом глядевшие из-под густых бровей, говорили о сохранившейся силе. Ни один зуб не выпал у нее, ни один волос не поседел. «Крепкая же бабка и не хочет стариться», — брюзжали ее сверстницы. Но какое дело ей до завистниц. Она любила жизнь, работая много лет чабаном, никогда не говорила, что у нее что-то болит. Однажды в их колхоз пришла из района автомашина за участниками слета ударников. «Садись, Таай, на железного коня, — шутил председатель, — и удиви там всех». «Я и на коне-то мало ездила, — ответила она, — и сроду никого не удивляла».

Когда машина тронулась, она закрыла глаза от боли.

Хирург Борис Сергеевич имел большой авторитет, хотя жил на Алтае совсем немного. Он спас жизнь многим, и его знали старые и малые, и рассказы о том, как он делает операции, кочевали из аила в аил. После операции он вышел к сыну Таай.

— Ну, дорогой, операция прошла благополучно. Мать выздоровеет. Но если бы немного задержались, оперировать было бы поздно.

— Спасибо, Борис Сергеевич, спасибо. — И он пожал доктору руку. — Слышал, что вы охотитесь любите. Приезжайте — поохотимся.

— Об этом надо подумать, — ответил Борис Сергеевич. — А о матери не беспокойтесь.

— Мать, она, мать, дороже всего!..

Однажды Борису Сергеевичу пришлось делать сложную операцию. Из операционной он вышел бледный, вытер рукавом халата пот с лица и закурил. Отдохнув, навестил Таай. Старушка глядела на потолок и напевала. Борис Сергеевич опустил ся около нее на табурет.

— Как себя чувствуете? — спросил он.

— О боже мой! Разрежет живот, а потом спрашивает.

— На что жалуетесь?

— Чаю мало.

— Нельзя сейчас много пить, — рассмеялся Борис Сергеевич. — Книшка вырезана. Для чая места нет.

— Ну, не обманывай! И сейчас в меня канзан чая влезет, — шутила Таай. — Когда же я его буду пить! Чаю нет, говорить не с кем, что рядом со мной лежат — молчат.

— Как выпишу вас, приеду к вам.

— Э, приезжай, дорогой, приезжай! Кого же принимать, как не тебя.

Доктор ушел. Она вспомнила свою юность. Ей было тринадцать лет, когда она впервые болела. Девушка, что была вызвана шаманить, казалась немного старше ее. Она камлала с вечера до утра, а с первыми лучами

солнца упала в изнеможении. С нее сняли наряд и уложили на постель. В обед она проснулась, наелась досыта мяса и, сверкая своими черными лучистыми глазами, сказала: «Душу ребенка унесли черти, я была у Ульгена наверху и у дьявола внизу. Кое-как отобрала душу ребенка, но она не идет к ней. Если до вечера не войдет в нее, то ребенок умрет, войдет — выздоровеет»... Ей сейчас стало смешно, что доктора она приняла за бога, и решила: когда выздоровеет, расскажет ему об этом.

Теплые весенние лучи пробивались сквозь большое больничное окно. «Эх, весна! Подышать бы чистым воздухом! Здесь хоть и чисто, но душно». Она скоро стала ходить по палате, подолгу стояла у окна, откуда было видно, как зеленела черемуха, порхали птицы.

Таай вышла из больницы и сразу же уехала в горы, к младшей дочери. Сердце ее радовалось знакомой обстановке. Она глубоко вдыхала кисловатый от овечьей шерсти воздух, войдя в загон, ласкала ягнят.

— Этот вот не наелся. Что это вы смотрите? — ругалась она.

Чабаны, увидев ее, обрадовались, справлялись о здоровье. Таай холодно взглянула на них.

— Мой живот в порядке. Об этом нечего беспокоиться. Вы лучше побеспокойтесь о животе ягнят. Они не скажут, что не наелись. Вот этого ягненка надо докормить.

Делечи, ее дочь, была бригадиром, но все-

ми делами руководила Таай. Она помогала дочери, хвалила ее за хорошее, ругала за плохое.

— Ой, пить хочу, дочка! Скорее вари чай. И она ушла в аил.

Через месяц перекочевали в Яйлу. Однажды вечером приехал к ним председатель колхоза Дежнай. Низко нагнувшись, он вошел в аил, уселся поудобнее и, глядя на курящую Таай, улыбнулся:

— Здравствуй, Таай!

— Здравствуй, здравствуй! Как твои дела?

На стол был поставлен чай. Разговор пошел веселее. Вернулась Делечи. Вечером Дежнай решил обрадовать старуху. Вот только жаль, что не захватил с собой подарок.

— Недавно было колхозное собрание, где решили дать тебе пенсию. Теперь каждый месяц ты будешь получать по 10 рублей.

Лицо у Таай переменялось.

— Значит, я стала не нужна, да? — глухим голосом спросила она. — Раз даете 10 рублей, значит, от меня уже нет пользы?

— Нет, нет, Таай, — взмахнул руками Дежнай. — Это просто забота о твоей старости.

Таай встала и, делая вид, что собирает посуду, вытерла рукавом глаза. Но этому дню суждено было быть и радостным, и печальным.

Послышался лай собак. Делечи вышла посмотреть и тут же вернулась, сообщив о возвращении брата с русским гостем. Она подкинула в костер дров, и пламя взметнулось вверх.

Таай не придавала этому никакого значения. Кто только ни заходит к ним, и она привыкла принимать у себя людей. Но стоило вошедшему незнакомцу задать вопрос о ее здоровье, Таай узнала голос своего белолицего доктора.

— А-а, Борис Сергеевич! Все ли у тебя хорошо?

— Конечно! — смеялся доктор.

— Лей гостям чегень! — командовала старуха бодрым голосом. — Это ведь мой доктор. — Она достала из потаённого места бутылку араки. — Предчувствовала, что будет дорогой гость.

За чаем заговорили об охоте и рыбной ловле.

— Неужели нет другого разговора? — сердилась Таай.

— И в самом деле! Почему бы нам не послушать бывалого человека? — сказал Борис Сергеевич. — Расскажите что-нибудь из прошлого, Таай.

И Таай рассказала, как она лежала в больнице, как видела девушку-кама, как приняла Бориса Сергеевича в белом халате за посыльного от бога.

— Вот этот человек и есть мой белолицый бог, — заключила она рассказ.

В полночь молодой хозяин поднял гостя.

— Борис Сергеевич! Вставайте! Надо добраться до рассвета к месту охоты.

Они вышли из айла. Звездное небо опрокинулось над ними. С гор дул прохладный ветер.

НОВОЕ ВРЕМЯ

1

Девушка с подстриженными и собранными на затылке волосами горделиво подошла миленькими шажками к клубу, и все расступились, с удивлением разглядывая ее. Закинув голову и подняв густо намазанные брови, она, жеманно поджимая губы, вяло кивнула толпе и, словно чего-то боясь, вбежала на крыльцо, постукивая по деревянным ступенькам высокими каблучками. Взявшись за дверную ручку, она услышала позади дружный смех. Обернувшись, увидела громко смеющегося парня. Это был Яшка с животноводческой фермы. Она готова была сойти с крыльца и ударить его, но, оробев, прищурила большие, черные, как уголь, глаза и с презрением окинула его с ног до головы.

Парень сник. Прикрыв ладонью большой рот с кривыми желтыми зубами, занскиваяще поклонясь и фальшиво улыбаясь, он сказал:

— Здравствуйте, Динди Юртаевна!.. Что вы молчите? Или забыли родной язык?

Глаза Динди Юртаевны, казалось, еще больше почернели, щеки зарделись.

— Скотина! — тихо, дрожащим голосом сказала она.

— Я? Скотина? — переспросил парень, блуждая глазами по толпе, надеясь вызвать сочувствие к себе и осуждение обидчицы. — Гм, конечно, я имею дело с животными... А вот ты живешь среди людей, да еще в городе, а прическа у тебя походит на ... перевязанный конский хвост. — И он, забыв про свои кривые зубы, снова неистово загоготал.

Шутка понравилась: все покатывались от смеха. От гнева и стыда у Динди навернулись на глазах слезы. С трудом сдерживая их, задыхаясь от злости, модница вдруг крикнула:

— Ты... ты... Посмотри на себя! — Проворно сбежав с крыльца, скрылась за углом клуба.

— Вот так-то лучше, — самодовольно заключил зубастый парень. — Таких надо пресекаать в самом начале, чтобы не очень-то задавались!

— А ты почему смеешься над всеми? — оборвал его агроном Василий Ундыбасов.

— Я и над собой смеюсь, — не растерялся насмешник. — А если умеешь смеяться над собой, не зазорно поддеть и других.

— Ты слишком язвись, переходя всякие границы приличия. Или не можешь, чтобы не издеваться над кем-нибудь?

— Что поделаешь, Вася, — развел руками парень, — не могу, натура такая. А если обидел близкого тебе человека, то прости.

Агроном достал из заднего кармана брюк серебряный портсигар с изображением медведя на крышке, явно рассчитывая произвести блестящей вещицей впечатление.

— Эх, прубый же ты парень! — И, поднявшись на крыльцо, он, нарочито показывая свой портсигар, закурил и со звоном захлопнул его.

Яшка давно слыл словоблудом не только в Сарысае, но далеко в округе. Он легко сходилась с людьми и с первой же встречи давал всем удивительно меткие прозвища, которые ко многим прилипали, как смола. Но с агрономом он держал себя достойно.

Молодежь собралась у клуба в ожидании гармониста, чтобы потанцевать, но он не пришел. Постепенно все разошлись. Остались только неугомонный Яшка и агроном. Бубня под нос незамысловатый мотивчик, Яшка усердно осваивал какое-то «па» нового танца, и его до блеска начищенные сапоги, собранные гармошкой, покрылись пылью. Но ему скоро наскучило так «убивать время», и у клуба остался один агроном. Он жадно курил на крыльце, глядел на горы, на живописный оранжевый закат, словно впервые все это видел. Когда шла посевная, он не знал, что

такое выходной день или вечерний отдых. А когда напряженная работа была уже позади, позволил себе побездельничать. Перед тем, как идти на танцы, он сходил в баню, тщательно выбрился, надел белоснежную сорочку и выходной костюм и сейчас чувствовал себя блаженно. Его хорошему настроению способствовали и одевшиеся в лист дерева, легкий шелест которых под дуновением ветра напоминал какой-то таинственный шёпот, ласкали глаз зазеленевшие поля и склоны гор, где красным пламенем горел кандык, — словом, природа облагородила землю, нарядив ее, казалось, в самое красивое платье, а все это облагораживало и человека.

До Василия доносилось звонкое щебетанье детворы, играющей где-то за клубом. С песней возвращались с фермы доярки, и щемящий душу напев вдруг нагнал на него грусть-тоску безысходную. И ему захотелось уйти далеко в горы, растянуться на траве и вдыхать полной грудью аромат свежих цветов. Но грусть к нему пришла не с песней доярок, а с быстрым уходом модницы Динди, из-за которой он пришел в клуб, нарядившись женихом, о ней думал и сейчас, вслушиваясь в вечернюю тишину.

Знакомый скрип массивных дверей правления колхоза прервал мечтательный ход его мыслей. Подняв голову, он увидел, как из дверей выкатился, словно шар, Юртай Иванович, председатель колхоза. Маленький, толстый, он действительно походил на боль-

шой шар, который Василий видел когда-то на детской площадке. За председателем вышел из правления молодой человек, начальник сельскохозяйственной станции. «Технику надо беречь!» — донеслось до него. «Где же я читал или от кого-то слышал эти слова?» — силится вспомнить Василий. Юртай Иванович заметил агронома.

— А-а, вот ты где, голубчик! — Вынув из кармана газету, он бросил ее агроному. — Возьми ее! А я твоей статейкой не хочу и... — он не договорил, стесняясь приезжего человека. — Понял?

Агроном поднял с земли газету, развернул ее и увидел свою фамилию — Ундыбасов. «Технику надо беречь!» — прочитал он заголовок своей статьи. Бегло просмотрев ее, он спросил председателя:

— А разве это неправда? — тыча пальцем в газету. — Разве неправда, что из пяти тракторов работало у нас на посевной только три? И что сеялки не были готовы к севу, тоже неправда? А что сев затянули по своей вине, тоже неправда? — Он подошел к председателю, поднес газету к его лицу и закончил гневно: — Читать надо, товарищ председатель!

— Молчи! — вспылл Юртай Иванович. — Что ты мне суешь свою мазню! Что ты меня учишь! Я работаю председателем двадцать лет, а ты?.. Двадцать дней... — И, повернувшись к начальнику сельскохозяйственной станции, фальшиво засмеялся.

такое выходной день или вечерний отдых. А когда напряженная работа была уже позади, позволил себе побездельничать. Перед тем, как идти на танцы, он сходил в баню, тщательно выбрился, надел белоснежную сорочку и выходной костюм и сейчас чувствовал себя блаженно. Его хорошему настроению способствовали и одевшиеся в лист дерева, легкий шелест которых под дуновением ветра напоминал какой-то таинственный шёпот, ласкали глаз зазеленевшие поля и склоны гор, где красным пламенем горел кандык, — словом, природа облагородила землю, нарядив ее, казалось, в самое красивое платье, а все это облагораживало и человека.

До Василия доносилось звонкое щебетанье детворы, играющей где-то за клубом. С песней возвращались с фермы доярки, и щемящий душу напев вдруг нагнал на него грусть-тоску безысходную. И ему захотелось уйти далеко в горы, растянуться на траве и вдыхать полной грудью аромат свежих цветов. Но грусть к нему пришла не с песней доярок, а с быстрым уходом модницы Динди, из-за которой он пришел в клуб, нарядившись женихом, о ней думал и сейчас, вслушиваясь в вечернюю тишину.

Знакомый скрип массивных дверей правления колхоза прервал мечтательный ход его мыслей. Подняв голову, он увидел, как из дверей выкатился, словно шар, Юртай Иванович, председатель колхоза. Маленький, толстый, он действительно походил на боль-

шой шар, который Василий видел когда-то на детской площадке. За председателем вышел из правления молодой человек, начальник сельскохозяйственной станции. «Технику надо беречь!» — донеслось до него. «Где же я читал или от кого-то слышал эти слова?» — сплился вспомнить Василий. Юртай Иванович заметил агронома.

— А-а, вот ты где, голубчик! — Вынув из кармана газету, он бросил ее агроному. — Возьми ее! А я твоей статейкой не хочу и... — он не договорил, стесняясь приезжего человека. — Понял?

Агроном поднял с земли газету, развернул ее и увидел свою фамилию — Ундыбасов. «Технику надо беречь!» — прочитал он заголовок своей статьи. Бегло просмотрев ее, он спросил председателя:

— А разве это неправда? — тыча пальцем в газету. — Разве неправда, что из пяти тракторов работало у нас на посевной только три? И что сеялки не были готовы к севу, тоже неправда? А что сев затянули по своей вине, тоже неправда? — Он подошел к председателю, поднес газету к его лицу и закончил гневно: — Читать надо, товарищ председатель!

— Молчи! — вспылил Юртай Иванович. — Что ты мне суешь свою мазню! Что ты меня учишь! Я работаю председателем двадцать лет, а ты?.. Двадцать дней... — И, повернувшись к начальнику сельскохозяйственной станции, фальшиво засмеялся.

— Да хоть бы сто лет! — махнул рукой агроном.

— Ты столько поработай, а потом учи, пиши в газету, черту-дьяволу, — распалился председатель, притопывая от гнева ногой. И снова обратился к приезжему: — Двадцать лет работаю здесь, а такого не встречал.

— Не прячьтесь за годы, — наступал агроном. Но, заметив, что за его спиной уже стоят любопытные, решил отступить.

Притих и Юртай Иванович. «Из-за щенка еще авторитет потеряю», — подумал он, увидев колхозников.

— Критику надо любить, Юртай Иванович, — заметил приезжий, похлопывая председателя по плечу. — А с тобой я хотел бы поговорить завтра, — обратился он к агроному. — Недостатки надо устранять без ругани, без скандалов. — И он, улыбаясь, подмигнул Ундыбасову. — Ты вот что скажи, Вася, у тебя найдется уголок переночевать мне?

— Нет, нет, ты пойдешь ко мне, — категорически заявил председатель и, взяв гостя за рукав, увел его от агронома.

2

По случаю прихода в дом Николая Никодимовича, так представил жене гостя Юртай Иванович, ужин был обильный, с водкой, и завершился крепким чаем. Гость и хозяин сникли, беседа не вязалась.

— Вы зря сердитесь, Юртай Иванович, —

вяло заключил гость, выходя из-за стола. -- Ваш агроном знает дело. Я с ним учился в одном институте. Правда, был на два курса старше, но хорошо знаю его по общественной работе.

Юртай Иванович слушал его рассеянно, глядя на свою дочь, сменившую после ужина узкую юбочку и блузку на вечернее платье, похожее на мешок, разрезанный вверху для головы. Да и зачем ему было все это слушать? Он и без того знал: молодой агроном всю посеvную не уходил с поля, что он сам давно стал не лучшим председателем, а середнячком, но, как ни бился снова выйти в люди, ничего не выходило — отстал от жизни. «На все, видно, свое время», — объяснил он свою отсталость. А когда сравнивал сегодняшнее артельное хозяйство с прежним, его в дрожь бросало. Поголовье скота утроилось, в денежном балансе появились семизначные цифры, а тут еще техника, электростанция. Всю жизнь коров доили руками, а теперь и фермы надо механизировать, внедрять какие-то агрегаты, электродойлки, делать подвесную дорогу. Все это, конечно, хорошо, думал он, а как двинуть вперед эту самую технику, с чего начать, где все приобрести?.. Что поделаешь, неуч, отстал! И его, Юртая Ивановича, создавшего и поднявшего колхоз до уровня передовых, учат такие, как сын Ундыбаса! Погруженный в горькие думы, он не заметил, как гость ушел с дочерью из дома, как ночь уже окутала все кругом и в доме стало темно.

Жена, Елена Кармановна, заметив его встревоженность, предложила чай.

— Хватит! — отодвинул он руку жены. — Если осталось что от зелья, давай сюда!

— Да что с тобой сегодня? — всплеснула руками Елена Кармановна. — Аль беда какая у тебя, Юртай? Последнее время я не узнаю тебя. — Она достала из шкафа графинчик и поставила перед мужем. — Огонь засветить?

— Не надо!

Снова наступила тишина. Когда он наполнял стакан зельем, жене было слышно бульканье. «Наливает полный стакан», — вздохнула она, но промолчала. Выпив полстакана, Юртай Иванович почувствовал, как внутри все обожгло, и блаженно закрыл глаза, погружаясь снова в раздумье. Был в свое время орлом. Колхоз был на первом месте, аймачное и областное начальство приезжало к нему как к равному. «Может быть, не снимают-то за прежние заслуги», — с грустью заключил Юртай Иванович. И вдруг его осенила мысль: «А почему бы не подать заявление самому?» Выпив еще, он понюхал корку хлеба и, казалось, уже не мог более ни о чем думать. Вдруг он вспомнил: «А куда ушла Динди?»

Привычка дочери, приехавшей недавно из института на практику, уходить из дома без родительского разрешения ему совсем не нравилась. Но Динди—любимая дочь, и ее нельзя ругать. «Пусть гуляет. Но почему над ней

смеются, обзывают «стилягой?» И слово-то какое! А что о ней думает агроном? Ведь до института Васька был лучшим ее другом». И отцу стало обидно, что смеются не над ним, а над его дочерью. Завтра надо с ней поговорить. И с думами о любимом чаде Юртай Иванович заснул за столом.

Елена Кармановна знала крутой нрав мужа во хмелю, за весь вечер не подала голоса, сидя на кухне. Услышав храп, она подошла к мужу и, тряся за плечи, с мольбой в голосе умоляла:

— Встань, Юртай!.. Ну, проснись же, иди на кровать, я раздену тебя...

3

Когда Юртай Иванович с гостем оставили у клуба агронома среди зевак, откуда-то снова вынырнул Яшка.

— Никак международное положение опять ухудшилось? — острил он. Заметив удрученность агронома, сочувственно сказал: — Э, у тебя, Василий, плохи дела.

Кто-то из зевак прыснул, другие, подавляя смех, нарочито откашливались, кося глаза на агронома. Яшка хотел что-то еще сказать, как на дороге загремела телега старика Кудачи. На телеге сидели вплотную девушки и женщины, свесив обветренные ноги, и заливались смехом, а старик, не обращая на них внимания, что-то рассказывал, заглушая хриплым, простуженным голосом их смех. Около клуба он остановил лошадь.

— Бригаде привет! — прогорланил Яшка и подошел к телеге.

— Отойди от моих девчат! — крикнула бригадирша.

— Мое сердце тянется, как чертополох к солнцу, к одной Айне, — признался Яшка.

— Что верно, то верно — ты чертополох и есть, на который смотреть противно, — ворчала бригадирша. Соскочив с телеги, она оттолкнула Яшку. — Иди на ферму и накорми своего быка. Он мычит всюю и, кажись, стойло разнесет.

— Да я ему на всю ночь корма дал! — удивился Яшка и, озираясь на Айну, нехотя пошел.

Живой и неугомонный на людях, Яшка грустил наедине, нередко копался в своих недостатках. «Все считают меня лентяем, треплом, а я вот иду к этому быку, словно он мне всех дороже, — думал он. — А почему нельзя шутить?.. Можно ли жить без шутки и смеха?.. А кто знает, чем я живу и почему я трепло?» Проходя через речушку, он остановился на мостике и прислушался к воркованию быстрого ручейка. «Судят о человеке по его внешности, а души понять не хотят. Ну, я не красив, зубы у меня кривые, желтые, большие. Я же не девка, в невесты никому не набиваюсь. Конечно, некрасивые никогда не бывают счастливыми, если даже у них и золотое сердце. Не скажешь же Айне, что я не красив, но зато добр... А что если мне быть

серьезным? Ну, хотя бы один день? Попробую!»
Решив так, он побежал к ферме, тихо напевая:

До горных вершин поднимаясь,
Туман над рекой клубится.
Чье девичье сердце могло бы
В такого, как я, влюбиться?

А в это время у клуба старик Кудачи продолжал рассказывать разные побасенки, и его слушатели то и дело взрывали тишину громким смехом. Один Василий стоял безучастный ко всему и, обойдя телегу, стремительно побрел куда-то. Айна, худенькая девушка с бледным лицом, в белоснежной козынке и сером халате, под которым было яркое голубое платье, пошла за ним.

— Вася! — тревожно окликнула она, догоняя его. — Вы даже не здороваетесь со старыми знакомыми.

— Здравствуй, Айна! Ты так выросла, что тебя трудно узнать. Никак дояркой работаешь? То-то я тебя давно не видел.

— Да, еще с прошлого года, — уточнила Айна.

— А школу окончила? — поинтересовался Василий.

— Окончила, — вздохнув, ответила она.

— Почему же не стала учиться дальше? — с оттенком укора, повысив голос, допрашивал Василий.

— Кому-то надо работать и в колхозе.

— О, ты, оказывается, умница!... Правильно поступила. — И глубокомысленно заключил: — Жизнь надо познать в труде!

У Айны почему-то так сильно забилося сердце, словно хотело вылететь, а лицо зарделось румянцем. Но Василий в темноте не видел ни румянца на ее щеках и уж, конечно, не слышал учащенного биения ее сердца. Он шел большими шагами, не считаясь с маленькой спутницей. Их дома были рядом на краю деревни, и, когда они дошли до них, Василий остановился возле своей калитки и взял маленькие руки Айны в свои.

— Ты хорошая девочка, Айна.

Что он говорит? У девушки закружилась голова, защемило сердце, в глазах засверкали слезинки. Раскачиваясь, как березка, она хотела слушать и слушать его, ей хотелось вот так стоять рядом, держась за его руки, и молчать, хотя и надо было сказать очень важное. А он молчал и даже не смотрел на нее, думая о чем-то своем. Она вырвалась из его сильных, горячих рук и опустилась на влажную траву, словно ее кто подкосил косою.

— Айна, а ты не могла бы сходить к Динди?

Айна вздрогнула: «Что он сказал? Зачем она?»

— Скажи ей, что я жду ее на прежнем месте. Пожалуйста, не поленись.

От стыда и гнева Айне хотелось плакать. С трудом сдерживая слезы, она прошептала, боясь услышать себя:

— Ну, что ж, схожу, — и мгновенно пропала в темноте, словно легкое дуновение ветерка.

В темно-синем небе ярко сверкали звезды. Кругом было тихо. Василий вышел на околицу. Где-то в горах прокричал куран. «Почувствовал охотника», — подумал Василий. Поднявшись на горку, он сел на знакомое и дорогое с детства место и вспомнил мать. Сегодня он ее с утра не видел. Она, наверное, приготовила чай и сидит около костра, курит, поджидая сыночка. Но мысль о матери скоро забылась, её вытеснила Динди, из-за которой в поздний час пришел сюда. Вспомнилось и сегодняшнее озорство над ней Яшки и ссора с председателем. Он хотел, чтобы Динди была такой же скромной, какой он ее знал раньше, а Юртай Иванович исправил бы недостатки — для этого он и писал в газету.

... Под горой послышались шаги. Василий бросил папиросу, поднялся и уставился в темноту. Конечно, это была Динди. Чем ближе приближалась она к нему, тем он сильнее чувствовал запах ее духов. «Зачем выливать на себя целый флакон?» — мысленно осуждал он.

— Здравствуй, Васек! — Динди протянула ему обе руки.

— Здравствуй! — сдержанно сказал Василий, но не утерпел и обнял ее по-дружески.

— Ой, не раздави меня, — смеялась Динди. — Силища, как у медведя... Сколько же мы не виделись с тобой?

— Очень долго, — вздохнул Василий, не

зная, с чего начать разговор, глядя пальцами прядь ее жирных крашенных волос.

Динди тоже молчала.

— Чего мы молчим? — засмеялась Динди и опустила на землю. — Смотри, луна... Словно бы и ты не уходил отсюда. Верно?

— Да-а, — нехотя протянул Василий, вспомнив последнюю встречу с ней, клятву ждать друг друга. Это было в летние каникулы, когда он учился на первом курсе института, а Динди перешла в десятый класс. И сегодня, после долгой разлуки, он увидел ее у клуба. Сейчас она с ним говорит, а голос ее кажется чужим. Как она изменилась! Недавно ее все уважали за веселый нрав, за простоту. А теперь?..

Динди продолжала тараторить:

— Какая здесь дикость! Кругом голые горы, пустынные поля и скучные люди. Тебе, надеюсь, все это знакомо?

— Нет, мне скучать некогда, — нехотя ответил Василий.

— Ах, перестань!..

— Но и ты как будто раньше не скучала. Но сегодняшняя твоя выходка у клуба меня поразила.

— Ах, оставь!.. В городе все носят такие прически. — Она презрительно посмотрела на его костюм. — А мальчики давно не носят широких брюк, как у тебя.

— Раньше ты так не говорила. — Василий встал к Динди спиной. — Город и учеба не пошли тебе на пользу. И если у тебя голова

забита городскими модами, мне не о чем с тобой говорить.

Динди была вне себя, но сдержалась

— Ну, что ж, — вздохнула она, вставая. — Можете считать себя свободным. — И, надув губы, она гордо прошла возле Василия, не посмотрев на него.

5

Когда Василий вернулся домой, мать и вправду еще не спала. Она сидела около потухшего очага, покуривая трубку. Отблески слабого огонька падали на блестящие части сундука, окованного жестью, которая уже изрядно потемнела, и на шестигранное ружье, висевшее на стене над сундуком. Оно было дорого не только матери, но и Василию. Его отец был добрым охотником и знал толк в ружьях. В 1939 году он был призван в армию, зачислен в погранвойска и погиб в первых боях с фашистскими захватчиками. И как охотники ни просят мать продать ружье, она всем отказывает, бережет его. «Это дорогая память о муже, — отвечает всем она. — Когда Баслей, — так она звала сына, — был маленьким, думала, что он тоже будет охотником, но Василий не любил охотиться, а ружье все-таки висело на стене».

Василий был мрачным, что не могла не заметить мать. Она поставила на стол сметану, хлеб, яйца и снова села к огню. Погруженная в свои думы, она грела большие ноги, разглаживая распухшие суставы. Много лет

она пасла скот, находясь в любую погоду под открытым небом, и вот теперь ревматизм не давал ей покоя.

— Сынок, люди говорят, что ты поругался с председателем? — спросила она, наливая чай.

Василию не хотелось ни о чем говорить.

— Ну и пусть говорят, — ответил Василий, думая о чем-то своем.

Мать подложила в очаг дров, выколотила из трубки пепел.

— Ложись, сынок. Летняя ночь коротка, а в молодые годы кому не хочется поспать. — Она сняла с себя кожаную безрукавку и улеглась на скрипучую деревянную кровать.

О начале полночи известил горластый петух, и Василий с тревожным думами пошел спать.

Юртай Иванович спал тревожно, снилась всякая ерунда, проснулся он с головной болью. Но как только лучи солнца засверкали на снежных вершинах гор, он был уже в правлении.

В конторе было людно. Сев в председательское кресло, Юртай Иванович молча выслушал жалобы, чертя ногтем по столу. «Не к добру, — шептались колхозники, зная все его привычки, и гадали: — На кого сегодня обрушится его гнев?»

— Когда остригут моих овец! — возмущалась старая Чумчулай. — Говорила я бригадиру Курешу, говорила зоотехнику, но и они ухом не ведут. Тебя тоже я должна упрашивать?..

— Ну, хватит, хватит, Чумчулай, — сверкнул злыми глазами председатель. — Почему не выполнено мое указание о стрижке отары Чумчулай?

— Сил не хватило, — робко оправдывался бригадир. — Сегодня кончим стричь отару Соломая, а завтра начнем ее отару.

— Ты смотри, парень! — погрозил Юртай Иванович. — Сколько отар осталось?

— Десять.

— За десять дней всех остричь! Ясно? — И председатель встал.

— Агрегат испортился...

— Не знаю, ничего не знаю! — перебил он бригадира. — За это отвечаешь ты.

Куреш тяжело вздохнул и вышел, косясь на Чумчулай, но она не обращала на него внимания.

— Октой, о чем ты задумался? — спросил Юртай Иванович. — Я же тебе говорил: выезжай пораньше!

— Меня задержал ваш же счетовод, Шалтырак Мендешевич, — оправдывался парень.

— Я не знаю и знать не хочу никакого счетовода! — вскипел Юртай Иванович. — Один дает распоряжение, другой отменяет. Что это такое, я вас спрашиваю? Где Шалтырак? Бачимат! Найди его! Пусть немедленно явится ко мне!.. Я ему покажу!

Старая подслеповатая Бачимат, работавшая в правлении уборщицей и курьером, затрусила к выходу.

— Видимо, вчера заложили! — сказал не-

известно кому председатель и вдруг вспомнил, как вчера сам пил водку, и ему стало стыдно, он даже покраснел, что с ним бывало редко.

В правление вошли Айна и Василий.

— Что там у вас случилось с быком? — спокойно уже спросил Айну Юртай Иванович. — Скажи бригадиру, чтобы за породистым быком ухаживали особо, или отдадим его на другую ферму. Яшка не заботится о нем.

— Нет, он работает хорошо, — возразила Айна.

— Тебя никто не просил быть адвокатом. Говори, зачем пришла?

— Пора у нас вводить электродойку.

Юртай Иванович развел руками:

— Где взять аппарат? Их в продаже нет...

— Нет? Как же так? Они должны быть, — уверенно сказала Айна. — На пленуме обкома комсомола секретарь сказал, что на область дадут сто пятьдесят штук.

— Если бы ты поговорила с секретарем обкома сама, то он поднажал бы, где следует, и тогда нам, без сомнения, дадут.

— Я говорила, но он, видимо, забыл, — сокрушалась Айна.

— Забыл? Тогда сегодня же пишу письмо, а подпишем его вместе. Ты ведь член обкома! — возгордился председатель за Айну. — А ты что скажешь, агроном?

— Людей, Юртай Иванович, на арыки надо, иначе в засуху хлеб может сгореть.

— Не зря, видно, тебя учило и кормило государство в институте... А я вот не знаю,

помогут ли арыки. Наш колхоз и без них обходился.

Вошел счетовод Шалтырак.

— А-а, приперся, хромо́й чёрт! — набросился на него председатель. И стукнул кулаком по столу. Повернувшись к агроному, спокойно сказал: — Иди, бери у бригадира людей. Но смотри, парень!

Айна задержалась в сенях, чтобы дождаться Василия. Он тут же вышел и, сияя, заговорил:

— Айна, вчера я не рассмотрел тебя в темноте. А ты, оказывается, расцвела, возмужала... Ну, хоть замуж выдавай!

— Ой, будто вы старый, — смеялась Айна.

Председатель допрашивал счетовода:

— Кто здесь командир?!

— Ты, Юртай Иванович! А я — начальник штаба. Да, да, все дела колхоза у меня в руках! — И Шалтырак сжал кулак.

— И ты думаешь, что тебе удастся пропить все состояние колхоза? Нет, дорогой! Я, дурак, надеялся, что ты исправишься, но ты потерял совесть.

— Кто кого выгонит, еще посмотрим, — самоуверенно заявил счетовод. — Твой конец ближе моего.

— Прочь отсюда, прочь! — не выдержал председатель.

— Это же самое могу предложить тебе, — обнаглел счетовод, усаживаясь за свой стол.

— А-а, не выйдешь?

-- Не выйду!

Василий и Айна, оказавшись невольными свидетелями их ругани, заволновались.

— Как бы они не подрались, — прошептал Василий и подошел вплотную к двери.

— Нет, до этого не дойдет, — спокойно заключила Айна. — Часа два поругаются, а затем помирятся. У них это обычно... Если хотите, послушайте еще. — И Айна сбежала с крыльца.

— Пстой, Айна! — И он побежал за ней, но Айна еще быстрее пошла, и он понял — догонять не стоит.

6

Динди три дня пробыла на сенокосе, ночуя в бригаде. Когда она вернулась домой, Юртай Иванович, казалось, впервые посмотрел на нее колючими глазами и осуждающе сказал:

— Нехорошо ты себя ведешь, дочка, дурная слава идет о тебе. Чему же тебя учат в городе? Рассказала бы неграмотным отцу и матери. — Он сидел на диване в одной майке и галифе, тяжело дыша от гнева и, казалось, сейчас разразится грубой бранью. И хотя в комнате было прохладно, его лицо было погным, и это без слов говорило о его волнении. Елена Кармановна, чувствуя, что приближается гроза, боялась проронить слово и, как напуганная зайчиха, прикорнула в углу. Динди никогда не видела отца таким грубым с ней и тоже словно онемела, не знала, как ответить ему. Уставившись в окно, она, казалось, не дышала. Только ее большие клипсы

качались, как маятники часов. «Что он разошелся? — удивлялась Динди. — Может, разреветься, тогда еще за мной забегаает».

— Чему, спрашиваю, вас учат? — спросил Юртай Иванович. — Только кривляться, кокетничать, натягивать на себя мешки и штаны, красить губы? Тогда зачем мне тебя было кормить? Три года думал, что она там учится, надеялся, что скоро будет иметь специальность. Чего дождался? Смотреть на тебя противно... Так вот, слушай меня: будешь работать в колхозе.

Динди повернулась к отцу.

— Ну, что ты уставилась? Посмотри, на что только ты похожа в этой юбчонке?.. Тьфу! Срамота! Не можешь других стесняться, родного отца постыдилась бы. — И он схватился за сердце. — Нет, ты загонишь меня в могилу. А ну, иди и надень старое платье. — Он снял с себя ремень, сложил его вдвое, плюнул на ладонь...

Динди взвизгнула и со слезами убежала к себе в комнату. Елена Кармановна последовала за ней. Отцу было слышно всхлипывание дочери. Юртай Иванович отшвырнул ремень и затаил, прислушиваясь к шёпоту жены. Динди перестала всхлипывать.

Юртаю Ивановичу хотелось лечь на диван и умереть, но смерть была от толстяка еще далеко. И если бы в эту минуту к нему не пришел секретарь парторганизации Санат, неизвестно, что бы еще взбрело в голову отчаявшегося отца.

— Сегодня Ермолай, Сары пропьянствовали всю ночь и не вышли на работу. С ними, говорят, пьянствовал Шалтырак, — сказал он, вытирая с лица пот рукавом рубахи.

Услышав о хромом счетоводе, председатель, забыв про смерть, заорал:

— Ах, и Шалтырак с ними? Теперь хромому не уйти от меня, — потирал он руки. — А этих двух — сейчас же в бригаду.

— Пьяны же они, как свиньи, валяются. Сегодня им не до сена.

— Воду лей на голову, холодную воду! — поучал председатель. — И уши три докрасна. Грузи на телегу и отправляй... В такой-то ясный день и пить! Пили-то они где?

— Понятно — в сельповском ларьке. Где же еще пить? — развел руками Санат.

— Ты как секретарь партийной организации скажи продавщице, чтобы она не торговала водкой, пока сенокос. Если не послушается, то мы соберем собрание и снимем ее с работы. Ну иди, собирай пьяниц, а я сейчас же следом за тобой. Ох, и дадим им жару!..

Санат ушел.

Юртай Иванович натянул сапоги, чадел китель и крикнул женщинам:

— Сейчас же берите деревянные грабли и мигом в бригаду, убирать сено.

Выйдя во двор, Юртай Иванович с трудом вскочил на своего Гнедка. Соседние председатели имели «Победы», «Москвичи», а он ездил верхом. «Машине нужен бензин, шофер — одни убытки», — говорил он, когда ему предла-

гали в районе машину. Но он не такой, чтобы разбазаривать колхозные деньги.

7

Стояли погожие дни. Колхозники от зари до зари работали на покосе. Заготовка сена была в самом разгаре. Все, кто мог работать, были на лугах, и деревня словно вымерла. Только в детских яслях шла жизнь своим чередом.

На полевом стане комсомольской бригады возле шалаша на щите надпись «Берегите луга и леса от пожара!», а рядом — свежий номер бригадной стенной газеты «Крапива». На костре в большом казане доходило свежее мясо, покрытое пеленой желтого жира. Возле казана копошилась пожилая повариха. Убедившись, что кёчё — суп — уже готов, она взяла лом, подошла к лиственнице, на которой висел заржавленный лемех плуга, и ударила по нему. То-и-и-и! — разнеслось над лугом.

Первыми на обед прискакали мальчишки-копновозы, за ними — разморившиеся и покрасневшие девушки, после всех стайкой тянулись парни, раздетые по пояс. Среди стогометов особенно выделялись широкогрудые, с мускулистыми руками Ярманка и Бечиш. Взяв полотенца, все пошли умываться. Девчата долго бы визжали, обливаясь ключевой водой, если бы их не позвали к обеду вторично. Когда бригада села за стол, кто-то крикнул: «Новый номер «Крапивы»!»

— Не иначе, как Яшка опять попал, — заметил бригадир.

Мигом сбежались все к газете. Впереди всех стоял Яшка. Он оттолкнул в сторону хохочущего парня и стал читать газету.

— Молодец у нас заведующий клубом!

— Да, ничего не скажешь, рисует здорово!

— Ну, Яша, узнаешь себя?

— На Ярманку посмотрите!

— На этот раз расписали не только меня и Ярманку. Одна красавица, оказывается, тоже присоединилась к нам, — ликовал Яшка.

И правда, в газете была разрисована Динди в стильном костюме за ловлей... мух. Под карикатурой надпись: «Неужели за три года пребывания в институте наша Динди научилась только мух ловить?!»

— Эй, модница, взгляни на себя, — не унимался Яшка. — Наши портреты рядом!

— Яшка, перестань паясничать! — налетела на него бойкая бригадирша с животноводческой фермы. — Динди, не обращай на него внимания. Пойдем к столу. Ты подумай серьезно сама, и тебе многое станет ясно.

— Что я сделала плохого? — возмущалась Динди. — Ношу то, что мне нравится!

— Нет, нет, не говори что попало. Люди хотят, чтобы ты была нормальным человеком, а не чучелом на огороде. Даже языкастый Яшка не желает тебе худого. Иди на речку и умойся, успокойся, а то у тебя с ресниц сажка капает на щеки... А спать будем вместе, хорошо?

— Эй, девки, чего не идете есть, — кричала повариха. — Кёчё остывает!

Динар — душевная женщина. Она обняла Динди и сказала:

— Пойди, милая, умойся.

Василий ел молча. Ему за Динди было и стыдно, и горько. Но что он мог сделать?

— О чем задумался, Вася? — спросила Айна, садясь рядом с ним.

— Ни о чем, Айна.

— А я чувствую...

— Зачем тогда спрашиваешь? — перебил ее Василий.

— А почему вы с ней не разговариваете? — спросила Айна. — Хотите, я ей скажу? — предложила Айна свои услуги.

— Спасибо, — нехотя ответил Василий. Но он вдруг повеселел. — Когда все уснут, буду ее ждать возле большого стога. А если она не придет?

— Придет! — уверенно сказала Айна.

Когда Айна ушла, Василий, глядя ей вслед, подумал: «Как хорошо, что есть на свете такие девушки! Ах, если бы Динди была такая! — Василий тяжело вздохнул. — А за кого-то Айна выйдет замуж! Еще, чего доброго, выйдет за эгоиста или еще хуже, за пьяницу. — И сердце его дрогнуло. — Почему я забочусь о ней?»

Рядом с ним улеглись на отдых Ярманка и Мечеш.

— Но я не пойму, сколько же можно выпить, чтобы потерять сознание? — удивлялся

Мечеш, который не пил и не курил.

— Ничего в этом мудреного нет, — самоуверенно ответил Ярманка.

— Ты помнишь, как на четвереньках полз по деревне?

— Хватит, Мечеш! — явно злился Ярманка. — Неужели ты думаешь, что я, Ярманка, полз на карачках в полном сознании?

— Ну, не сердись, друг! Еще один, и последний, вопрос: сколько ты выпил до того, как пополз? Ведь такому быку, как ты, надо, думается, ведро.

— Эх, друг! Понимаешь, Шалтырак подзадорил. В тот день я получил аванс. Выпил пол-литра из горлышка, не переводя дыхания. Вначале было ничего. Потом закружилась голова. И я потерял сознание.

— Ну, а теперь будешь пить?

— Нет! — морщась, ответил Ярманка.

Подслушивавшему их Василию стоило труда, чтобы не рассмеяться. И Ярманка, которого он до сих пор презирал, предстал перед ним совершенно другим.

На сенокос приехал Санат, а следом за ним — председатель колхоза. Отдых колхозников был нарушен — бригада «досрочно» вышла на работу. Председатель взялся метать. Он такой подцепил навильник, что не смог оторвать от земли, и на глазах у всех стоял сконфуженный. Его выручил Ярманка, легко подбросив большую охапку на стог.

— Ярманка, ты не человек, а медведь! — ликовал Юртай Иванович.

— Такая ноша ему — семечки, — согласился с председателем Василий, выравнивая на стоге сено. — Если бы вилы позволяли подцепить больше, то он брал бы на них с тонну. Смотрите, сколько он захватил! — восторгался Василий.

— Молодец, Ярманка! — одобрил председатель. — Если будешь так работать, осенью командирую в Москву, на выставку.

...Когда бригада пошла на ужин, Василий сделал вид, что очень занят подборкой сена и остался возле стога один. Был поздний час. Из-за гор показались кружевные облака. Остро пахло пряным сеном, цветами. И хотя дул свежий ветерок, у Василия горело лицо. Он приставил вилы и грабли к стогу, накинул старый черный пиджак и зашагал привычными большими шагами через скошенный луг. Идти было легко, несмотря на усталость. Прохладный ветерок ласкал лицо и трепал черные волосы. Василий присел у дальнего стога. Возле него проскакали на резвых конях председатель и вожак колхозных коммунистов. Глядя им вслед, Василий не заметил, как подошла Динди.

— К тебе можно присесть? — робко спросила она.

— Пожалуйста, — равнодушно отнесся Василий к ее появлению.

— Ты на меня не сердись, — занскивающе продолжала Динди.

— Нет. И почему я на тебя должен сердиться? Ты мне плохого ничего не делала.

— По-моему, здесь я многим сделала плохое. И меня все ненавидят. Правда? А почему? Завидуют мне, — и она гордо запрокинула голову.

— Чему завидовать? — удивился Василий ее самоуверенности. — Все желают тебе добра, но ты этого не поняла до сих пор...

— Что мне за дело до такого добра? — Она нарочито вздохнула. — Если бы ты заботился... Больше мне ничего не надо. Она прижалась к нему.

— Три года назад ты была не такая, — сухо сказал Василий, отодвигаясь от Динди.

— Вася, уедем отсюда! Ты найдешь работу и в райцентре. А из райцентра легче уехать и в область, верно?

Василий, вздохнув, сказал:

— Эх, Динди, Динди! Ты ли это?

— Я какая была, такая и есть. Только фасон платья у меня другой. Ну и, может, прическа. И в этом я ничего не вижу плохого. Одеваюсь по последней моде, ну и что? А здесь этого не понимают. Новое время — новые моды. И ты, культурный человек, должен понимать это.

— «Новое время»! Но это, прежде всего, новая жизнь, работа во имя народа, это — спутники, ракеты, летающие среди этих звезд; это — семилетка строительства коммунизма... Да что говорить, когда ты погрязла в узких юбках и модных штанах.

— Нет, нет, ты неправильно меня понял, — юлила Динди. — Я хочу, чтобы и тебе было

хорошо... И не будем ссориться, Вася... — И, обняв его, прошептала. — Ведь ты меня любишь? Правда? Я знаю, что любишь и ни в чем не откажешь.

Василий отстранил ее и встал.

— Не любишь? — в упор спросила Динди и, поджав губы, отвернулась от него.

— Не путай священное слово со своим эгоистическим расчетом, — резко сказал Василий и пошел к стану.

Динди онемела. Потом она словно испугалась, что осталась одна, побежала за ним...

На стане уже потухал костер. Бригада готовилась ко сну. Гармонист тихо играл простенькие мелодии. Возле него сидела Айна, бессмысленно уставившись на потухающий огонь костра. К ним подошел Василий и сел рядом с Айной.

— Почему играешь такие грустные песни? — обратился он к гармонисту. — Сыграй что-нибудь повеселее!

«Гм, ему, конечно, весело, — грустно подумала Айна и ушла в шалаш. Она легла в постель, уткнувшись лицом в подушку, и ей почему-то хотелось расплакаться. — Думает, что я все еще маленькая и ничего не понимаю, — осуждала она агронома. — Знал бы он, как у меня сердце сгорает по нему! Но не могу же я первой сказать об этом. Другое дело, если бы я была парнем...»

Кто-то зашел в шалаш. «Сюда, сюда иди», — говорила кому-то сердобольная Динар. Она наступила Айне на ногу и вскрикнула:

— Ой, на кого это я наступила? Айна? Прости, маленькая. Динди, ну что ты стоишь? Раздевайся, ложись.

«А, сюда пришла», — узнала, наконец Айна, с кем разговаривала Динар, и стала прислушиваться к их шепоту, стараясь не пропустить ни одного слова. Но они говорили так тихо, что ничего нельзя было разобрать.

— Мы с ним не поладили, — со вздохом громко сказала Динди. — Он не хочет меня понимать.

— Это плохо, — сочувствовала Динар. — Василий хороший парень и, конечно, найдет еще девушку по душе. Но ты не убивайся. Если он любит тебя, то помирись.

— Я завтра уеду, — заявила Динди. — И мне теперь все равно.

— Ой, дурочка, лучше его не найдешь, — осуждала Динар.

И более Айна ничего не разобрала. Но то, что узнала, ее обрадовало, и она уснула счастливой.

Вернувшись с сенокоса, Динди стала собирать вещи. Наблюдая за ней, Елена Кармановна взгрустнула. Осуждающе косил глаза на жену Юртай Иванович, не скрывая раздраженности перед дочерью. Он ходил по комнате и думал: «Сказать ей перед отъездом ласковое слово или пусть почувствует, что я с характером?» Его внимание привлекла колхозная машина, затормозившая против дома.

— Ты готова? — спросил он дочь. — Машина подъехала... Все ли взяла, что надо?

— Все, все, отец, ничего не забыла, — ответила Елена Кармановна. — А ты так и будешь расставаться с дочерью, надувшись? Попрощайся, доченька, с отцом-то, да поласковее. Разве можно так уезжать?

Динди подошла к отцу.

— До свидания, папа! Простите меня, если я что сделала не так... — Она поцеловала его в щеку и улыбнулась.

— Ничего, ничего, дочка, — размяк Юртай Иванович. — Разве отец желает тебе худого? Если даже и поворчал, не велика беда. Я одного хочу, чтобы ты человеком стала. Ну, поезжай, учись хорошо! — И он потрепал ее по плечу.

Мать долго целовалась с дочерью и, смахнув слезы, толкнула ее:

— Иди!..

Динди села в машину, с трудом сдерживая слезы. Высунувшись из кабины, она махнула платком, и машина скрылась за поворотом.

* * *

Василий встал рано, но мать опередила его. Зайдя в анл, он увидел, что она щиплет курицу. Это его удивило. Но не успел он спросить ее, в честь какого праздника она зарезала курицу, как мать заговорила сама.

— Хорошая была курица, сынок, но пришлось отрубить ей голову. Стала кричать петухом, а это к плохому, — вздохнула она.

Василию не привыкать слушать от матери такого рода притчи и, чтобы не обидеть мать,

смолчал. Напившись чаю, он оседлал коня и поехал смотреть хлеба, засеянные позже всех. Выезжая за околицу, он заметил девушек. Они, подоив коров, шли с граблями на уборку сена. Кто-то из них запел, и все дружно подхватили песню. Василий пришпорил коня и скоро догнал их. Песня вдруг оборвалась. Его окликнула Айна, которая, видимо, нарочно отстала от подруг, чтобы поговорить с ним без свидетелей.

— А, Айна! Здравствуй! — обрадовался Василий. — «Нет, она недурна», — подумал он, направляя коня к ней. — Хочешь, я тебя подвезу?

— Нет, нет, мне недалеко. — И Айна отбежала от коня.

— Ну, пойдем вместе. — И Василий соскочил с коня.

— Динди, говорят, уехала? — спросила Айна.

— Не знаю, — резко ответил Василий. — И вообще меня это не интересует.

— К кому же теперь я буду бегать посыльным? — уколола его Айна.

— Сама к себе, — не растерялся Василий. — Или будешь принимать посыльных от всех парней?

— И от вас? — онемела Айна, закрывая лицо фартуком.

— Ах, если бы я не был старше тебя! — сожалел Василий.

— То что бы тогда? — спросила Айна, лукаво посмотрев ему в глаза.

Василий уклонился от ответа.

— Эх, Айна, Айна! — многозначительно повторил он ее имя. Ему хотелось обнять ее, сказать ей ласковые, красивые слова, но она звонко засмеялась и побежала.

— Айна! Куда ты? — растерялся Василий.

Но Айна даже не повернулась. Он вскочил на лошадь и догнал ее.

— Айна, встретимся сегодня в девять у клуба? А чтобы ты не опоздала, вот тебе. — Он снял с руки часы, отдал ей и пришпорил коня.

Айна была счастлива. Сжимая в руке часы, она прижала их к груди и долго смотрела вслед любимому человеку.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

I

Год 1943-ий... Последние темные зимние ночи. Холодный, пронзительный ветер выл и стонал в телеграфных проводах, в изгородях, будто жаловался на свою нелегкую участь, трепал на долгом пути полы солдатских шинелей, словно хотел укрыться под ними. А во что превратились дороги! Днем таял снег, а ночью снова все замерзало, образуя на дорогах гололедицу.

В такую неприглядную непогоду, в самую глухую ночь Сана Калапов поднимался на костылях в гору, с трудом волоча раненую ногу. Небольшой городок, затерянный среди гор, был темен и тих, и, казалось, что здесь

хозяйничает один ветер. Лишь кое-где в окнах мелькали тусклые огоньки — единственный признак жизни. Его манили эти редкие желтенькие огоньки, к которым он готов был ползти по-пластунски, лишь бы добраться до дома, до тепла, до семьи. Огоньки помогали ему преозмочь ноющую боль еще кровоточащей раны. Ему предлапали переночевать в Майме, но мог ли солдат думать об отдыхе и сне, когда родной дом, казалось, совсем рядом. Последние полгода он не писал жене, и она даже не знала, жив ли он. И, конечно, думал Сана, она ждет весточки от него или от его друзей.

Все слабее и слабее забрасывая костыли, солдат преодолевал своим упорством километр за километром. И вот уже окраина города. Шаг, десять, пятьдесят, сто — и в темноте различимы дома. Где-то впереди отчетливо замаячили давно зовущие его огоньки. А вот и трехэтажный дом, из которого он ушел в армию. И, как назло, ни в одном окне нет света — словно все вымерло. Войдя в подъезд, он застыл, навадившись на дверь, чтобы отдышаться, вытереть на лице холодный пот. Он чувствовал себя здесь по меньшей мере во дворце и, глядя на ступеньки крутой лестницы, которую ему еще предстоит преодолеть, вспомнил, как он был счастлив, когда за месяц до войны шел по ним со своей Машей уже не как с невестой, а как с женой. Вспомнил и то, как он по этим же ступенькам спускался в первые дни войны, уходя в армию.

Что и кто сейчас там, в небольшой холостяцкой комнатке, где он оставил молодую жену. Из писем он знал, что родилась дочурка. Прислушался. «Нет, тихо. А чтоб ей заплакать сейчас, и тогда проснулась бы мать», — захотелось Сане.

Костыли снова застучали, но ноги совсем одеревятели и не подчинялись его воле. Ох, тяжело подниматься с такими ногами на третий этаж! Вот, наконец, площадка третьего этажа. На лбу снова проступила холодная испарина, сердце вот-вот выскочит наружу. Снова передышка... А рука так и тянулась к двери. Помедлив, он постучал. Вначале тихо, а потом все сильнее и сильнее и вдруг, сам того не желая, забарабанил костылем. «Кто там?» — услышал он мужской голос и замер. Дрогнуло сердце, руки сжали судорожно костыли.

— Открывай! — повелительно ответил он.

Щелкнул крючок, и дверь открылась. От непривычного яркого света Сана зажмурил глаза. Перед ним стоял молодой толстяк с заплывшим от жира лицом.

— Где Маша? — так же повелительно спросил Сана, проходя в комнату.

— На работе, — ответил, дрожа от страха, толстяк.

В комнате все было по-старому: шкаф, кровать, стол, и даже клеенка на столе была та же, которую он купил, когда был еще холостяком. «Значит, Маша здесь живет. Но с кем? Неужели этот толстяк ее муж?» От одной только мысли, что Маша не дождалась

его, в глазах потемнело. «Зачем спешил? Лучше бы умереть, чем видеть такое?» Навалившись на стенку, Сана закрыл на мгновение глаза. «Нет, я должен видеть ее, дочурку, а потом...» Но что потом, так ничего и не придумал.

«Где ребенок? — спросил тихо, словно бы во сне, Сана. Бледный, словно снег, в серой шинели, с костылями, с тощим солдатским мешком на спине, он всем своим видом казался толстяку в полосатой пижаме страшнее великана-богатыря. С удивительной для его полноты проворностью толстяк вдруг заметался по комнате, освободил от белья стул, вытер его и молча подставил Сане. Попятившись, он, словно по его властному приказу, встал в угол.

— Садитесь. Поговорим спокойно. Мы не виноваты... — неуклюже пытается оправдаться толстяк.

— Где ребенок? — повторил Сана, опускаясь на стул, гремя костылями.

— Не знаю, — дрожал толстяк. — Маша считала вас убитым, — осмелел вдруг он. Этот солдат для него был страшнее суда и смерти.

Пронзительный, колющий взгляд солдата видел все насквозь, и от него толстяку нельзя было спрятаться.

— Ребенок жив, но вы от него отделались, — процедил сквозь зубы Сана, сжимая кулаки. Потом он с презрением посмотрел на толстяка и плюнул. Сана погрузился в раздумье... «Маша, Маша!. Мог ли я ждать от тебя та-

кое?.. Единственный близкий, родной человек и так поступил!.. Эх, почему смерть прошла мимо меня?»

Внезапный стук в дверь прервал его мысли. Он инстинктивно схватился за костыли и, упершись на них, уставился на дверь. Толстяк пошел было открывать дверь, но строгий взгляд Саны остановил его. Заметив, что дверь закрыта на крючок, он с трудом подпрыгнул на костылях к двери и снял крючок. В комнату вошла незнакомая ему молодая женщина. Увидев перед собой солдата и испуганного мужа, стоявшего в углу, она растерялась.

— Маа-шаа! — визгливо крикнул толстяк.

— Это не Маша! — радостно закричал Сана.

— А где моя Маша? — приблизился он к незнакомке.

— Маша Калапова? — переспросила женщина, мигая глазами. — Она давно переехала на другую квартиру, уже с полгода тому назад.

— Адрес! Ее адрес знаете?

— Соо-ции-али-стическая, тридцать два, — с трудом от испуга выговорила женщина длинное название улицы, где теперь жила Маша.

Сана вышел из комнаты, но тут же вернулся и, стоя в дверях, гневно сказал:

— Люди на фронте проливают кровь, а вы... пара-зии-ты!.. — Он уставился на женщину, съедая ее укоризненным взглядом: — А твой муж, как и я, может, еще вернется. Как ты будешь смотреть ему в глаза, если у тебя есть хоть капля совести?

— Какое вам дело до моей совести! — повысила голос незнакомка. — Я как хочу, так и живу!

— Нет, подлая! — ударил костью Калапов. — У меня есть до тебя дело! За боевого товарища я заставлю ответить!

Женщина попятилась к мужу, лицо ее побледнело.

— Все не погибнут, и мы победим! Слышишь ты!.. И когда он вернется, заставит ответить, как ты держала себя!

— Послушайте, — вышел из угла толстяк в полосатой пижаме. — Маша, конечно, не права. И не придавайте ее словам никакого значения. Поговорим по-мужски... Договоримся. Я работаю в снаббсите. Время сейчас, сами знаете, трудное. Я пригожусь вам.

Сана с презрением посмотрел на толстяка.

— Купить хочешь? Но я никогда не продавался и не продамся, паразит! Но мы с тобой еще встретимся. Недолго тебе осталось покупать совесть за буханку черного хлеба. И ты... ты... — Он хотел что-то сказать, но резко закрыл дверь и вышел на площадку.

Толстяк в полосатой пижаме и женщина долго прислушивались к стуку его костей, не проронив ни единого слова.

2

Когда Сана вышел на улицу, ветер заметно стих. Светало. За городом были видны с детства знакомые лысые вершины гор, а на

окраине города из труб одноэтажных домов поднимался голубоватый дымок, во дворе пахло свежей древесиной. Когда он шел по запущенным улицам, в глаза бросились разобранные заборы и штахетники, дома без оград выглядели какими-то беспризорными. Осматриваясь вокруг, он увидел оголенный пригорок, где до войны была березовая роща, украшавшая в любое время года окраину города. «Войны здесь хоть и не было, но ее варварство проникло и сюда», — с сожалением подумал Сана.

Но вот и Социалистическая улица и, кажется, тот дом. Подтянув ремень, поправив шапку, Сана приосанился и, стараясь не стучать костылями, пошел искать тридцать вторую квартиру. Вот она, на первом этаже, оказывается. Тихо постучал в дверь, прислушиваясь к биению своего сердца. «Кто это может быть в такую рань?» — услышал он женский толос.

— С фронта, Маша! — не сдержался Сана. — Это я — Сана, — прошептал он, прижавшись к двери лицом.

— С фронта? — переспросила через дверь Маша, видимо, не расслышав его. — Боже мой!.. — Она долго возилась и, наконец, открыла дверь.

— Сана! Ой!.. — И Маша повисла на шее солдата.

— Ну, зачем же плакать-то?.. Слышь?.. Пойдем.. — Стуча костылями, он перешагнул порог.

Не отрывая от мужа рук, Маша пятилась в коридор, любуясь им.

— Ну, здравствуй! — И Сана обнял Машу. — Дай я на тебя посмотрю, родная...

Худенькая, в ветхом платьишке, вытирая слезы, она гладила шершавый рукав шинели.

— Хватит слез. Ведь я же живой, — снова зашептал Сана. — А костыли — это временно...

И Маша опять залилась слезами.

— Ну, что ты воешь, Машенька? — Он хотел ее снова обнять, как за спиной услышал плач ребенка. На железной койке, под стареньким одеялом, лежал маленький человек, которого он видел впервые.

— Ой, доченька! — опередила Маша отца. — Папа пришел, папа, — ласкала она дочурку.

Сердце отца дрогнуло. Забыв о костылях, он подпрыгнул на одной ноге до кровати, чтобы расцеловать ребенка, взять его на руки, прижать к сердцу. Девочка сердито посмотрела на отца и, обхватив шею матери, заплакала еще громче.

— Ничего, ничего, — успокаивала Маша не то себя, не то ребенка, не то отца, стоявшего растерянным возле кровати. — Она смысленная и скоро почувет тебя сердцем. Ой, да что мы стоим! Раздевайся, давай я тебе помогу.

— Нет, нет, я сам, Маша, сам. — И Сана отстранил руки жены. — А ты успокой девочку, возьми ее на руки.

— Ну, доченька, не плачь, — успокаивала Маша ребенка. — Смотри, отец приехал, твой папа. — Заметив, что муж стоит на одной ноге, всплеснула руками. — Ой, Сана, у меня и стула нет. Садись на кровать... Еще печка дымит!.. Фу-у! Дрова сырущие, не горят... Одна осина!

— У меня, однако, есть немного авиационного бензина, для зажигалки друг дал в госпитале.

— Да, никак, загорается... А бензин побереги...

Растопив печку, Маша очистила вареную картошку.

— Доченька, поешь картошки, а я приготовлю отцу чай.

Видя, с какой жадностью ребенок взял из рук матери картофелину и, вцепившись в нее обеими ручонками, с жадностью стал есть, Сана прослезился. «Бедный ребенок!» — прошептал он и, дотянувшись до вещевого мешка, достал сахар.

— Возьми-ка это, глупышка, — протянул Сана ребенку свой скромный гостинец.

Девочка равнодушно отнеслась к сладостям, продолжая старательно есть картофелину. Да и откуда ей знать, что давал ей отец? У Сана еще пуще защемило сердце.

— Возьми же, доченька. Сахар — вкуснее картошки.

Но девочка упрямо качала головкой, отвернувшись от отца.

— Бяка, соль, — лепетала она.

Сана пожаловался:

— Доченька-то мой гостинец не берет. Говорит — соль, глупенькая.

— Доченька, Эркелей, ешь, ешь. Это сладко, — внушала Маша ребенку.

— Бячка! — упрямо твердила девочка.

Маша взяла у Саны сахар и лизнула его.

— У-у-у, как сладко! — И, смеясь, обратилась к мужу: — Как бы мне самой не проглотить эту сладость.

— Проглоти, проглоти, у меня, никак, с десяток кусочков есть.

Видя, что мать лижет соль, девочка взяла из рук матери сахар, лизнула его и заложила за щеку.

Маша, уходя на кухню, прослезилась.

— Вот так и жили, не зная, что такое сахар, — вздохнула она, моя картофель. — Все распродать пришлось, но на сахар и чай никогда не хватало. Картошка и хлеб, хлеб — картошка. И то хорошо, с голоду не умерли.

— Понимаю, Марийка, все понимаю. Я видел наши вещи.

— Ты был на старой квартире? — удивилась Маша.

— Был, был... Я ведь не знал этого адреса.

— А кто бы у меня взял их? А она работает в ресторане, он — на продуктовом складе. И нужды ни в чем не знают, вещи по дешевке скупают.

— Пусть, пусть... Все равно не пойдет им впрок.

— Какой уж прок, если в войну наживают

ся на людском горе, — согласилась Маша.

— Ничего, Марийка, потерпи еще малость, страшное и тяжелое — уже позади. А на душе у нас — чисто. И все будет хорошо, вот увидишь..

* * *

Отдохнув с дороги, Калапов пошел в обком партии.

— На какую работу хотели бы вы сами? — спросил его секретарь обкома.

— Где смогу принести больше пользы, туда и направляйте.

— Я вас знаю, товарищ Калапов, и обком хотел бы поручить вам важный участок: возглавьте снабжение области продовольствием. Если вы согласны, то сегодня же примем решение. Или отдохнете?

— Нет, отдыхать еще рано, — ответил Калапов.

— Это верно, — согласился секретарь. — Завтра заходите за решением, и я вас познакомлю с заместителем председателя облисполкома, который занимается торговлей.

Спускаясь по мраморным ступенькам Дома Советов, Калапов вспомнил толстяка, живущего на его старой квартире, и стиснул ручки костыля...

МАТЬ

Дорога, дорога... Она тянется по долине веревкой и вьется среди гор, подпирающих небо. Сколько лет смотрели на нее влажные от слез глаза матери! Глядя на эту дорогу, они ждали, надеялись..

..Много лет прошло с тех пор, как по этой дороге ушли два сына с такими же, как они, молодыми парнями. Они ушли, а мать осталась стоять около ветхой изгороди из трех жердей, заливаясь слезами, и долго глядела на пыльную дорогу, прислушиваясь к топоту удаляющихся коней. Когда хромой старик привел лошадей, на которых провожал призывников, то казалось, что сынки больше уже не вернуться.

С того памятного дня мать двух сыновей,

преждевременно состарившаяся от горя, ежедневно выходила на улицу и, опершись на изгородь, смотрела часами на убегающую вниз дорогу. И всякий, кто въезжал в селение, видел возле маленького домика седую женщину. Вот и сегодня она стоит, утирая натруженными руками слезящиеся глаза, по привычке смотрит на дорогу, пока не потемнеет в глазах, и, глубоко вздохнув, уходит.

Когда конец ненавистной войны ощущался каждым биением сердца, она все с большей надеждой смотрела на дорогу. И в один из ясных солнечных дней вдруг узнала в прохожем своего старшего сына. Снова слезы, но это были слезы радости, счастья.

Не в силах произнести дрожащими от волнения губами ни единого слова, она долго не снимала своих рук с широких сыновних плеч. Сын ввел ее в дом под руки, и только здесь она вспомнила свой материнский долг — приласкать сына после долгой разлуки и тяжелой дороги. Она проворно засуетилась, не зная куда его усадить, какое ласковое слово сказать, чем угостить. Пусть отдыхает, ест и пьет самое вкусное, ведь он воевал и устал больше, чем она...

И сын ценил материнскую заботу, был счастлив. Чтобы облегчить жизнь матери, он скоро женился. Со снохой ей стало действительно легче, много забот перешло к невестке, а сынок и сноха, словно соревнуясь, как залось, искренне проявляли заботу о матери.

Но все это быстро прошло. Сын и невест-

ка вдруг как-то охладели к ней. Это совпало с тем, когда ее запасы продуктов стали заметно иссякать. И материнское сердце снова запыло, хотя старушка делала вид, что словно бы ничего не замечает. Ее старший сын и раньше был скуповат, а сейчас он стал еще и раздражительный. «Но как можно хулигь сына — ведь он рожден мной», — думала в бессонные ночи мать. В минуты душевного волнения она невольно вспоминала меньшего. «Если бы был жив Иолду, разве была бы я бельмом в глазу у старшего?» Ворочаясь с боку на бок, она порою не могла заснуть до утра и вставала с заплаканными глазами. А днем сетовала на себя: «Что это я накликаю беду. Хорошо, что хоть старший жив остался, домой вернулся цел и невредим».

Но однажды произошло что-то невероятное. Перед завтраком невестка сказала: «Ты, Кудей, ешь здесь, у печки, а если кто придет, уходи в аил». При этом она, брезгливо поджав губы, плеснула в деревянную чашку чая, отломив кусок тертпека и бросила ей в подол. Кудей не сдержалась и гневно сказала: «Ты меня считаешь за собаку? Нехорошо!» Сын молчал. «Значит, он с ней согласен», — подумала Кудей. Она взяла деревянную чашку и, накинув на плечи старую шубенку, ушла, всхлипывая. Ей не было бы так обидно, если бы сын бедствовал. Он в колхозе стал большим начальником и ни в чем не нуждался. У него бывало аймачное начальство, и нередко водка лилась в доме рекой,

песни не умолкали до утра. Какой-то ученый человек из города, увидев, что Кудей уходит на ночь из дома, спросил:

— Как же она ночует на холоде, под открытым небом?

— Привычка. А в комнате спать не может, говорит, душно, — вывернулся сынок.

Невестка же сплетничала всюду, что у Кудей прескверный характер и что она сама не хочет жить с ними, перекочевала в аил. Но частые выпивки сына к добру не привели.

Во время ревизии колхозной бухгалтерии оказалась изрядная недостача. Чтобы покрыть растрату, сын продал единственную корову, к которой не имел никакого отношения, и переехал с женой в другой колхоз.

Бедная Кудей снова осталась одна. Односельчане помогли ей заготовить на зиму дров, колхоз выделил телку, а школьный учитель Эрке помог выхлопотать пенсию за младшего сына, пропавшего без вести в войну. С тех пор почтальон ежемесячно приносил ей деньги. И жить бы, казалось, Кудей, ни о чем не думая, вести свое маленькое хозяйство. Но однажды к ней ворвался пьяный сын и грубо потребовал денег на водку.

— А ты мне хоть ломаный грош когда дал? — отрезала Кудей. — Меня кормит младший сын, который погиб за народное дело, а ты, хоть и живой... Уходи!

Сын-пьяница ушел. А Кудей долго убивалась: «Зачем я его обидела? Ведь он мне сын». И снова слезы, слезы и слезы.

И опять она каждый день стояла у изгороди и долго смотрела на ту дорогу, по которой когда-то провожала сыновей; она все еще думала, что они вернутся.

ОДНОГО РОДА

Прошло много лет с тех пор, когда каждый год весной, в мае, колхозы создавали ремонтно-дорожные бригады, и у подножья гор люди копошились, как муравьи, с утра до поздней ночи. Увидев разбитые палатки, посторонний человек мог подумать, что это кочующие цыгане. Но стук кирок, звон топоров, рев самосвалов — все говорило о дружной и спаянной работе дорожников. Колхозы посылали на дорогу преимущественно молодежь.

Бригады колхозов имени Калинина и имени Чапаева были поставлены на одном участке. Молодые люди знали друг друга, жили дружно и работали с огоньком. Шофер Иванак шутил с девушками. Но как-то, подъехав к Байраму, работающему всегда молча, он сказал:

— Байрам! Я познакомился с твоим кыпчакским родом. Дело, кажется, идет на лад.

За Байрама ответил Эркелей:

— К кому ты только не лезешь! Но если ты имеешь в виду Арайан, ничего из этого не выйдет.

— Э-э, ты плохо знаешь Иванака! — хвастливо заявил о себе шофер. — Он умеет подлизываться, и к нему девушки липнут. А тебе хоть кто-нибудь говорил ласковое слово?

В их разговор вмешались другие, осуждая болтливую шофера. А вечером, когда бригады собрались у костра, Иванак пристал к Арайан. Видя это, Байрам злился. И, чтобы не нагрубить, отошел от костра. «Что сделать, чтобы она оттолкнула от себя этого парня?» — думал он. Его мучило и другое. Он с ней одного рода, его проклянут отец и мать, если узнают о любви к ней, будут все смотреть косо, не поняв, что это пережиток. У алтайцев даже бога не чтят так, как род. Если ты не веришь в бога, никто тебя не осудит. А если женился на родственнице по роду, от тебя все отвернутся. В прошлом это было хорошо. Роднились только с другими племенами и родами. Сейчас это отвратительно. «Как я могу звать Арайан сестрой, когда мы совершенно чужие люди?» До девятого класса Байрам учился с Арайан в одной школе. Они были дружны, и мысль о роде не приходила им в голову. Затем у Арайан умерла мать, и она осталась с младшим братом, пошла работать дояркой. За-

кончив 10 классов, Байрам тоже остался в колхозе. Когда они повзрослели, между ними возникли новые отношения, не похожие на прежние. Вечерами они гуляли по берегу Каракола. Байрам говорил о будущем. Рядом с высоким, широкогрудым Байрамом Арайан казалась маленькой девочкой. И никто не обращал на их дружбу внимания. Но скоро от них все стали отворачиваться, осуждать их, сплетничать. Как-то Арайан спросила:

— Байрам, ты из какого рода?

— Кыпчакского. А что?

— Я тоже из кыпчакского. — И, всхлипнув, она убежала. И после этого не встречалась с ним.

Байраму нелегко было вспоминать дни разлуки с любимой. Боясь сплетен, он хотел позабыть ее, но из этого ничего не вышло: Арайан стала ему еще ближе и дороже, и, казалось, если бы была между ними скала, то он опрокинул бы и ее. «Что будет, если она не пойдет за меня замуж?» — думал он.

Внизу монотонно шумела река. Он прислушался. За рекой прокричал гуран. На небе стало яснее, и в просветах засверкали звезды. Байрам встал, до хруста потянулся, пригладил руками волосы и хотел было идти, как на опушке леса метнулась тень и послышался испуганный, но радостный голос:

— Байрам!..

Он сразу узнал голос Арайан, подошел к ней и притянул ее к себе.

— Я ничего не боюсь. Пусть говорят, что хотят. Пусть сердятся отец и мать. Они поймут когда-нибудь, что неправы.

— А что, если нам уехать, где нас не знают, — тихо спросила Арайан. — Как здесь жить, если скажут: «Вышла за брата». И тебя обвинят.

— Ничего. За нас есть кому заступиться.

— Но ведь всем-то рот не заткнешь.

— Ну, поговорят от силы год и перестанут, — развел руками Байрам. — Живут же Маймановы. Имеют детей. Счастливы. Не дошли же до них проклятия.

— Я это знаю. И все-таки — трудный шаг. Я боюсь твоих родных. Что я скажу им?

— И без них знаю, как мне жить. Лишь бы ты не разлюбила меня.

— А лучше было бы убежать отсюда, — с надеждой сказала Арайан.

— Что мы сделали, чтобы бежать? Полюбили друг друга? Полюбили. Мы новые люди и не должны жить старым. Подумаешь, одного рода! Я все скажу родителям...

* * *

Узнав намерение Байрама, родители испугались. Даже братья многозначительно переглянулись между собой, а жена старшего брата, Емельчи, выронила из рук тарелку — так для нее было неожиданно. Шестидесятилетний отец Байрама спросил:

— Ты шутишь или впрямь с ума сошел?

— Я говорю серьезно, — сказал Байрам.

— Правда, видно, от учения с ума сходят. Разве умный скажет такое!

— А что вы не слышали, что ли? Об этом все говорят, — сказал старший брат.

— Ты решил нас опозорить, — заголосила мать. — Как будем людям в глаза смотреть. Чего только не услышишь, живя на белом свете! — И она заплакала.

— Я тебя не бил никогда в детстве, но коли до тебя не доходят наши слова, то надо поучить, — сказал отец, беря плеть.

От его ударов Байрам не шелохнулся, а только стиснул сильнее зубы. Белая рубаша на спине липла к телу, на ней появились красные полосы, но он, обливаясь потом, терпел. Отец бил его во всю силу и скоро устал. Напрягаясь, он хотел ударить еще, но старший сын перехватил плеть.

— Хватит, отец!

— Если ты не слушаешь отца с матерью, то уходи из дома и забудь нас.

— Старались учить, вот вам и результат, — вмешалась невестка, поддерживая свекра.

— Не твоего ума дело, баба! — замахнулся на нее муж.

Отец и мать примолкли. Но Байрам уже решил про себя: «Ну и что? Уйду, коли такое дело». Он взял чемодан и стал собираться.

«Устроюсь где-нибудь на работу и вызову к себе Арайан».

— Уходишь? — спросила Байрама сестра.

— Да.

— Останься. Неужели не найдешь другой девушки?

— Нет.

— И тебе не дороги отец и мать? Ведь они никогда не простят тебя.

— Я им ничего плохого не сделал.

— Но ведь жениться на девушке из одного рода — это грех.

Байрам захлопнул чемодан и удивленно посмотрел на нее.

— Тоже мне, комсомолка! Думаешь, как старики...

— Я хочу, чтобы ты был счастлив. А с ней ты не будешь счастлив.

— Буду счастлив! — заявил Байрам. — И вам, феодалы, нет до меня дела.

— Тебя осенью возьмут в армию, и она тебя не дожидется.

— Дождется! — крикнул на нее Байрам.

— Ты на меня не кричи! Я твоя сестра, я хочу тебе только хорошего.

«Она права, — подумал Байрам. — Может, до армии не уходить?» Но тут он вспомнил Арайан, и стало стыдно за свою нерешительность. Он взял чемодан и сказал:

— Если меня не возьмут в армию, я напишу, и ты вышлешь мне пальто и валенки. За все отблагодарю, если буду жить. — И он хлопнул дверью.

На улице его догнала сестренка и сунула сверток.

— Здесь есть деньги. Бери — пригодятся. И себя береги...

Байраму было тяжело уходить из родного дома, но отступить уже поздно. Тяжело вздохнув, он помахал рукой сестре и пошел, сам не зная куда.

* * *

...Арайан не поехала с фермой в гайгу и стала работать учетчицей полеводческой бригады. Вечерами она спускалась в село. Однажды она зашла в контору правления колхоза, где сидел один бухгалтер Дьялбак. Он считал на счетах и красиво вписывал цифры. Она сдала ему сведения и вышла. Подъехав к дому, заметила, что там кто-то сидит чужой: сквозь тюлевые занавески был виден мужской профиль, а за углом дома стоял мотоцикл. Стало беспокойно на душе. Она вошла в дом. Братишка возился у печки. За столом сидел незнакомец и внимательно глядел на нее. «Вот о ком Байрам с ума сходит! Неужели такая красивая девушка не нашла парня лучше его?» Он шел сюда с намерением посмеяться над этой девушкой, но, встретившись с ней, онемел.

— Вы Арайан?

— Да.

— Я хочу с вами поговорить.

По его недружелюбному тону Арайан поняла, что он привез недобрые вести.

— Иди к Борису, а к чаю я позову тебя, — сказала она брату.

Брат неохотно вышел.

— Вы с Байрамом позорите нас! — начал

Иелду. — У алтайцев нет ничего грешнее этого. А Байрам — упорный. Я пришел вас просить, чтобы вы его забыли.

— Что еще скажете? — спокойно спросила Арайан.

— Для вас найдутся парни гораздо лучше Байрама.

— Вы думаете, я боюсь стыда и сплетен?

— У вас не будет счастья.

— Ну и пусть, — и Арайан заплакала.

— Я лично не против, но что скажут другие? Ведь есть, наконец, совесть.

— Есть и счастье, — ответила гневно Арайан.

— Байрам должен идти в армию. Если там не забудет вас, то дело ваше. Вот и просите вас не жениться до армии. Согласны?

— Согласна, — тихо ответила Арайан...

...Байрам получил от Арайан странное письмо. Но в нем был и здравый смысл. «Разве нельзя жениться после армии? Можно. Умная же девушка эта Арайан». И он не грустил. Скоро из райвоенкомата пришла повестка. «Кто меня будет провожать?» — подумал он. Но в час отправки призывников к райвоенкомату подъехала машина. Из нее вышла Арайан.

— Байрам!

Друзья прильнули друг к другу.

— В колонну по двое становись! — командовал лейтенант.

Байрам сжал руки Арайан и долго молчал. Ей все было ясно без слов.

— До свидания, Байрам. Возвращайся скорее!

Шофер дал сигнал, и машина тронулась. Арайан стояла на дороге и долго махала любимому белым платком.

ТЕНЬ

Селем Дильмаевич был немолодой человек и заметно жирел. К его среднему росту удивительно шло округлое лицо с большим подбородком. Когда ему что-то поручали выше его стоящие, он делал вид, что все понимает с полуслова, слегка хмурил брови — признак сосредоточенности — и согласно кивал головой. На самом деле его голова соображала медленно, как медленно вертятся мельничные жернова. О себе он говорил: «Я маленький человек!» Хотя был заместителем директора крупного треста.

Как-то случилось так, что директор треста уехал неожиданно в командировку, взвалив все дела на его плечи. «О, боже мой! Зачем только разрешают директорам командировки! — стонал «маленький чековек». — Хотя бы знать раньше, получил бы указания!»

Селем всю ночь не спал.

— Ты заболел? — проснулась жена от его стога.

Но ему было не до нее. «Теперь меня выгонят с работы, — убивался он. — Что делать, кому жаловаться?» — И, повернувшись к стене, снова застонал, словно его резали тупым ножом.

Испуганная Аграфена уже не могла уснуть, но и разговаривать боялась. «Разве он что скажет?» Правда, она к нему несправедлива. Он не бросил ее, когда она увлекалась другим, и не поднимал шума, узнав о переписке с молодым человеком. Он покорно молчал, понимая, что плохая молва о его жене может отразиться на служебной карьере. Но как он ни берегся, как ни дрожал, а в конце концов запылулся, причем, запылулся на каком-то пустышке, получив удар совершенно с неожиданной стороны.

...Среди его подчиненных был пьянчуга Иван Терехин. Как-то Селем Дильмаевич вызвал его, а он в этот день вообще не вышел на работу. И чтобы поднять свой авторитет перед подчиненными, он поставил вопрос ребром: прогульщика надо уволить, да еще предложил местному проработать пьяницу на общем собрании. Было срочно созвано внеочередное профсоюзное собрание. Один за другим поднимались с места ораторы, прорабатывая прогульщика. Собрание постановило: просить администрацию снять Терехина с работы. На следующий день Селем Дильмаевич

подписал приказ, и Терехина не стало в тресте.

— Мундусов принципиальный, оказывается, человек! — удивлялись сотрудники.

— В два счета освободился от того, с кем либеральничал директор.

— Вот и смотри! В тихом омуте — черта водятся!

И Селем Дильмаевич сиял, как луна. Он ходил по всем комнатам треста, был со всеми ласков, пожимал руки даже уборщицам и курьеру. Но однажды к концу рабочего дня в его кабинет вошел без стука сам Иван Терехин. Он был настолько пьян, что его и без того красный нос был красно-сизым, белки глаз налиты кровью и изрядно поношенный костюм — в грязи. С трудом пройдя от дверей к столу, он лег грудью на него и, брызгая на Селема Дильмаевича слюной, сказал:

— Ты знаешь кто я? — Ударив кулаком по столу, повысил голос. — Ты, дурак, не меня снял с работы, а себя. — И тут его разобрал смех.

Селем Дильмаевич затрясся, съежился и, боясь, как бы он его не ударил, отодвинул от стола свое кресло так, что оно уперлось в стенку. Он готов был опрокинуть ее, только бы быть подальше от своего неприятного собеседника.

— Ты знаешь, что мой тесть занимает высокую должность? — продолжал наступать Терехин.

Услышав это, Мундусов похолодел. В эту

минуту для него было бы лучше, если бы Терехин ударил его, ну хотя бы пресс-папье, чем сказал такие слова. Он даже тихонько простонал, словно у него обрывалось сердце и, подлизываясь, как пес, к Терехину, заюлил:

— Иван Абрамович! Ну зачем так грубо! Хорошо, я допустил ошибку. Так ее можно исправить, голубчик! — Он вышел из-за стола, подошел к Терехину, схватил его руку и поцеловал ее. — Дорогой, считай увольнение пустяковым недоразумением. Вот и все.

Однако, Терехин вел себя странно: он плюнул в ноги Мундусову и, еле поднявшись со стула, ушел.

— Разорви и выброси свой приказ! — крикнул он уже из дверей и скрылся.

После этого Селем Дильмаевич не сомкнул до утра глаз. Утром у него болела голова, ныло сердце. Не притрагиваясь к завтраку, хотя любил с утра плотно поесть, он выпил стакан крепкого чая, думая об одном и том же: «Что теперь делать, что делать?»

Детей у него не было, но он занимал четырехкомнатную квартиру. Мебель в ней была добротная, приобретенная за десятилетия. Он всегда ею восхищался. Но все сегодня опостылело.

Жена его была в молодости ветреная женщина. Но последние годы вела себя, как добрая хозяйка: то в огороде копается с утра до вечера, то наводит в квартире уют, то заботливо ухаживает за своим Селе (так она звала мужа), даже не обзывая его подхали-

мом или кротом, как это делала часто раньше.

Из дома Селем Дильмаевич вышел разбитым. Свежий ветерок немножко освежил его, но мучительные вопросы «Что делать? Что со мной будет? Как буду смотреть людям в глаза?» не давали ему покоя. Но, как он убедился, сотрудники встретили его еще приветливее, чем когда-либо. И он бодро вошел в свой кабинет, сел за стол, перевернул листок календаря и уверенно взялся за бумаги. Вдруг в этот ранний час раздался телефонный звонок, что было очень редко и, как правило, всегда кончалось какой-нибудь неприятностью. Он вздрогнул и долго не снимал трубку.

— Мундусов слушает, — ответил он дрожащим голосом, а руки тряслись. «Сейчас же зайдите ко мне», — услышал он строгий голос.

— Бегу, бегу, Николай Лукич! — учтиво ответил он и, положив трубку, вытер носовым платком лоб, прижав левую руку к сердцу. «Как это я не знал, что Николай Лукич родственник Терехина?» Но раздумывать было некогда, и он затрусил к Лукичу.

— Доброе утро, Николай Лукич! — улыбнулся Селем Дильмаевич, входя в кабинет.

— Проходите, проходите и садитесь ближе, — сказал, не отвечая на приветствие, Николай Лукич, указывая на мягкое кресло, стоящее возле его стола. У него торчали усы, словно у кота, густая шевелюра, беспорядочно закинутая назад, походила на гриву льва, и Селем Дильмаевич содрогнулся.

Робко опустившись в глубокое кресло,

склонив голову, он с мольбой смотрел в львиное лицо Лукича, который долго разговаривал с кем-то по телефону. Прислушался. «Ругается из-за Терехина», — догадался он, холодея.

— Что вы живаєте мне головой? — спросил, повесив трубку, Николай Лукич. — Не хотите исправлять недостатки?

— Н-нет, Николай Лукич, — сказал, дрожа, Селем Дильмаевич. — Я все понимаю.

— Товарищ Мундусов, что с вами? Вы больны? — И Лукич, налив в стакан воды, протянул ему. — Выпейте... Сердце шалит? Рановато стало отказывать, рановато.

Мундусов пил, расплескивая воду. Заметив, что лицо начальника подобрело, немного пришел в себя.

— Николай Лукич, простите меня. Я бы не уволил Терехина, но меня просил весь наш коллектив, так сказать, профсоюзная общественность. Конечно, я охотно восстановлю его, хотя поговаривают, — осмелел он, — что Терехин пьет. Но я не придаю этому никакого значения. Работник он хороший, дело свое знает, и такого нам не найти в области.

— Терехин? Какой Терехин? — удивился Николай Лукич. — Да какое мне до него дело? Он ваш работник? Ну и решайте сами, увольнять его или работать с ним.

— Позвольте, — растерялся Селем Дильмаевич, — а разве Терехин Иван Абрамович не ваш родственник?

— Да хоть бы и родственник, так что из этого? — удивился Лукич. — Пойдите, по-

стойте... — Поняв в чем дело, он пристально посмотрел на Мундусова. — Так если он родственник мне, вы даже пьяницу готовы восстановить? С вами же тогда нельзя работать! — И он встал. — Вы свободны, товарищ Мундусов! — сказал Лукич официальным тоном и отвернулся к окну.

Далее Мундусов не помнит, что было с ним и как он вышел из кабинета. Очнулся дома, когда жена сделала ему холодный компресс на лоб и на сердце.

— Что с тобой, дорогой?

На этот раз ее Селем ответил:

— Все кончено! — И он погрузился в забытьe.

А ночью его одолели сны — один другого страшнее. Утром — снова тяжкое размышление. «Кончилось мое счастье!» — сокрушался он. И решил не вставать. А когда жена позвала к завтраку, ответил тихо:

— Ох, я совсем разболелся.

Вызвали врача. Но он не определил его болезни.

— Обратитесь к невропатологу, — порекомендовал терапевт. — Лучшее лекарство для вас — это ни о чем не думать.

И в самом деле, болезнь Мундусова была вызвана собственными думами, чрезмерным бичеванием себя, но, к сожалению, не за то, за что следовало. Его навестил директор треста.

— Николай Лукич сожалеет, что резко говорил с вами, Селем Дильмаевич. Так что не особенно принимайте к сердцу, поправляйтесь,

Мундусов сразу ожил. Он встал, пригласил директора к столу и на радостях изрядно с ним выпил. Аграфена Ивановна не знала, как и отблагодарить директора, вылечившего ее мужа, и суетливо ставила на стол все новые и новые вкусно приготовленные соленья.

— Ты, Селем Дильмаевич, немножко переборщил, — сказал директор, поднимая третью рюмку. — Терехина я восстановил. Он зять не Николая Лукича, а Алексея Алексеевича. Да-с...

— Да если бы я знал, — бил себя в грудь Селем Дильмаевич. Он хоть и опьянел, но ни на минуту не забывал, что сидит с директором, и язык держал за зубами. А Петрович, охмелев, разошелся.

— Ты, Селем Дильмаевич, червь! Нет, вошь! Я тебя, слышь, ногтем могу раздавить, ногтем...

— Можешь, можешь, — лепетал Селем Дильмаевич. — Я — человек маленький. Но и маленькие, как я, делают большие дела. Ведь большие люди борются за первые места, а такие, как я, никуда не лезут. Вот в чем вопрос. И я нужен везде. Я — ваша тень. Без тени никто не живет, особенно начальство.

— Подожди, подожди, — перебил его директор. — А что если я уволю тебя?

Неизвестно, как бы реагировал трезвый Мундусов, но во хмелю не испугался увольнения и даже изложил директору свою точку зрения на жизнь.

— Вам же будет хуже, — уверял он. —

Вам не найти такого покорного заместителя, как я. Что вы на это скажете, Иван Петрович? — И он прищурил глаза. — К тому же за моими плечами возраст, авторитет, в трудовой книжке нет ни единого замечания. Скажите, трус? А кто снял пьяницу Терехина с работы? Я. А кто восстановил? Вы.

— Все правда, — согласился директор. — Так, может, тебя поставить на мое место?

— Нет, — не задумываясь, ответил Мундусов. — Если вы уйдете, пришлют другого, а я останусь на прежнем месте. Я же никому не мешаю!

«И действительно, — подумал Иван Петрович. — Бывший заместитель из кожи лез, чтобы быть директором треста, и пришлось убрать его. А этот как раз по мне. Зачем же его увольнять? Его золотое достоинство — не навязывать никому собственного мнения; да и есть ли оно у него, вопрос. Тень...»

— Все ясно, Селем Дильмаевич, — заключил директор. — Мне был нужен именно такой заместитель, как вы. — Он сам налил себе рюмку и залпом выпил.

Мундусов так и остался тенью директора. Его не повышали и не понижали. Чтобы расти, надо много работать, а он на это был не способен.

ИЗ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

(Этюды)

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

1

Это было давно, когда в деревне существовали Комитеты бедноты. Юного комсомольца Сайму послали с общественным зерном на мельницу к кулаку Евстигнею Захарьеву. Выбор на него пал потому, что он знал немного русский язык. Тогда среди активистов мало кто владел им, а предстояло говорить с русским мельником, который к алтайцам относился недружелюбно. И вообще тогда юрты бедняков были разбросаны, и они еще недостаточно были объединены, так как строитель-

ство домов еще только начиналось. Председатель сельского Совета Оинчи просил, требовал, чтобы алтайцы бросили свои дымные айлы и спускались с гор, но женщины не хотели расставаться с насиженными местами и старыми привычками, хотя претендовали на одинаковые права с мужчинами.

Однажды Оинчи по их требованию собрал мужчин, чтобы решить вопрос о строительстве бани. Баня была построена. Женщины настаивали, чтобы им привозили из кооперации разные хозяйственные товары, мануфактуру. Рассказывают, что когда грязнуля Караша впервые помылась в бане с мылом, уложила чистые волосы и, посмотрев в зеркало, удивилась: «Это разве я?» «Ты, ты», — подтвердили соседки. «Правда?» «Конечно, правда», — уверяли долго ее.

«Если бы раньше знала, что я такая красивая, не вышла бы замуж за такого некрасивого мужа».

А сколько было женщин, которые не хотели носить юбки! В их представлении юбка — это мешок, и стыдились надеть ее.

Вот в какое время юного Сайму снарядили в дорогу, чтобы он смолот общественное зерно. В тот год посеянная беднотой пшеница уродилась на славу. Янтарные зерна были насыпаны в мешки и аккуратно сложены в сани. Коней выделали самых лучших. «Голоштанники теперь разбогатеют, если стали сеять пшеницу», — ехидничали кулаки. Ненавидя их, Оинчи достойно наказал кулаков за длин-

ные языки: он заставил их поставить общественную изгородь. Боясь, что он их объявит врагами Советской власти, конфискует имущество, они выполнили его приказ. Да мало ли что тогда было! Всего и не вспомнишь.

..Сайму благополучно доехал до заимки Захарьева. В дороге он продрог, ему хотелось скорее в тепло. Но огромные псы мельника набросились на него, не давая лошадям проехать к дому. Хорошо, что они были на цепи, а то, казалось, загрызли бы и его, и лошадей. Долго пришлось Сайму ходить около саней, ожидая, что на лай собак кто-нибудь выйдет. И действительно, перед ним появился откуда-то сам Евстигней Захарьев. Его рыжая окладистая борода, богатая шуба из дубленых овчин, ичиги из оленьей шкуры — все говорило о достатке.

— Ай, ай, ай, от кого это ты привез так много хлеба? — удивился мельник.

— От комбеда! — бойко ответил Сайму. — Молоть привез.

— Молоть? А у меня, алтаец, мельница-то сломана.

— Как сломана? — растерялся Сайму.

— А вот так, — ухмылялся кулак. — Придется вам растолочь зерно на зернотерке. Или алтайцы уже позабыли талкан?

— А кто сказал, что мы не едим мучное? — рассердился Сайму.

— Ну, у меня нет времени лясы точить с тобой, — рявкнул Захарьев. — Сказал, мельница не работает! Вертай назад!

В это время из дома вышел плотный мужчина средних лет. Это был чергинский бедняк. Его хорошо знали все алтайцы. Он помогал им строить дома, учил их разному ремеслу. Его звали Никодимом, а чаще просто другом.

— Евстигней Лукич шутит, наверно, — мельница работает, — сказал Никодим. — Только ему молоть нечего.

— Не твое дело! — повысил голос мельник. — Ты мой работник. Я тебя, голодранца, бродягу, кормлю и еще плачу. И я здесь хозяин! Это тебе ясно? Вчера мельница работала, а сегодня не работает, но тебе все равно плачу.

— Ему, Лукич, надо смолоть, — спокойно сказал Никодим. — А то тебе плохо будет. И паренька надо пригласить в избу.

— Замолчи, антихрист! — снова зарычал Захарьев, сжимая огромные кулаки. — Это мой дом! И я сам знаю, кого приглашать, кого в шею гнать! Мало мне тебя, так я еще должен грязного алтайца пригревать.

Он ушел в избу и тут же вышел с сундучком и бросил его под ноги батраку:

— Вот твой инструмент! Иди куда хочешь, жалуйся! Если ваша Советская власть называет меня эксплуататором, я не хочу из-за тебя, свиное рыло, быть в их ряду.

— На твоём доме земля клином не сошлась, и мир не без добрых людей. — Никодим взял сундучок и поставил его в сани Сайму. — Поеду с тобой, парень. Думаю, есть хлеб зря не буду.

— Милости просим, — сказал приветливо Сайму.

— А работа у вас для меня найдется? — спросил Никодим по-алтайски.

— Найдется, найдется, — охотно ответил Сайму на родном языке.

— Ты, говорят, вступил в комсомол?

— Правду говорят.

— Хорошо!

— Вы тоже вступите?

— Года у меня прошли для комсомола. — Никодим наклонился к Сайму и зашептал на ухо: — Стой на своем смелее. Ты его пугни, скажи, что пожалуешься председателю сельского Совета.

На крыльце снова появился Захарьев.

— Уходите, уходите отседова!.. Крещеный по-христиански, — косил он глаза на Никодима, — с алтайцами якшаешься! Вот, видимо, такие же нуды-предатели, как и ты, предали матушку-Россию.

...Никодим ушел в Сары-Кобы, а Сайму остался один на один с рыжебородым Евстигнеем. От мороза лошади заиндевели, еще больше продрог Сайму.

— Ты что, алтаец, не заворачиваешь обратно? — строго спросил Захарьев. — Или спустить псов? Они растерзают тебя, как волки зайца, если жить тебе надоело. Если хочешь, стой, а вечером спушу их.

Сайму молчал, подпрыгивая, чтобы не замерзнуть.

Захарьев зевнул и скрылся за дверью. Мо-

роз щипал Сайму за щеки, но теплая шуба и ичиги спасали его. «Нет, обратно не поеду», — решил он.

Захарьев не усидел долго.

— Ты, оказывается, стоишь, парень? — удивился он, сойдя с крыльца. — Ну, что с тобой поделаешь, придется тебе смолоть, если примешь мое условие.

— Вначале скажите, какое, — заявил Сайму.

— Ты комсомолец?

— Комсомолец.

— Значит, пособник коммунистов?

Сайму промолчал.

— Хорошо! Условие такое: повторить следом за мной: «Пресвятая богородица! Помогни мне перемолоть зерно». Ну!

— Комсомольцы не верят в бога! — убежденно сказал Сайму.

— А-а, я совсем забыл — ты ведь нехристь. Тогда поклонись духам гор и рек.

— Комсомольцы не верят в духа! — повторил Сайму. — Вы скажите — будете молоть комитетское зерно? Если не будете, тогда я еду к председателю сельсовета. А он знает, что с вами делать. Конфискует мельницу, тогда вам будет не до смеха.

Кулак переменялся в лице и заговорил подружному:

— Нет, нет, голуба, комитетское зерно Захарьев сейчас же смеет. Разве ты не знаешь, я ведь люблю пошутить, особенно с молодежью. Подъезжай к амбару.

Застоявшиеся на морозе кони дружно рванули с места, и полозья заскрипели о мерзлый снег. Скоро мешки были на мельнице, завертелись жернова, и пшеница превращалась на глазах Сайму в мягкую, как пух, муку. Он был счастлив, что поручение выполнил.

2

У алтайцев, что жили в Сары-Кобы, были хорошие русские друзья из соседних заимок. Все знали вокруг не только умельца Никодима, но и мать Каинки. Она была отличная фельдшерница и любила свое дело. В грязь и слякоть, в знойную жару и в лютую стужу по первому зову она приходила на помощь к больным, роженицам и за свою уже немалую жизнь приняла много младенцев. Сейчас это село стало неузнаваемо большим, но ее знают старый и малый.

Жена бедняка Бордоя три дня мучилась, не могла разродиться. Старухи-повитухи «правили» ей живот, натирали ее маслом, но ничего не помогло. Муж приехал с охоты и, видя, что дело плохо, сел на коня и исчез в метели.

Мать Каинки тотчас же приехала, стряхнула с себя снег и — за дело.

— Ой, как жарко и душно! И почему здесь курят? Дышать нечем, — и она вытурила курящих.

— Курить не будем, только спаси Эртечи, — согласились старые женщины. Они ушли к соседке и продолжали дымить там. Скоро прибежала к ним маленькая Эртечи..

— Нашли мальчика! — радостно объявила девочка.

— Хорошо!

— У этой женщины умелые руки, — сказала старшая. — Я пойду посмотрю. Ведь, если не курить, не прогонит.

— Сама судьба послала нам ее, — согласилась старушка.

— Идите, Кудей, идите к младенцу.

— Бордой, вари мясо, неси араки, справляй той сына.

— Да, да, раскошеливайся, Бордой! — закричали все хором.

Коренастый, немногословный отец смущенно улыбался. Он проворно развел огонь и, нарубив мяса, поставил его варить.

А соседи все подходили и подходили, и скоро уже тесно было сидеть. Вышла от больной фельдшерница. Все встали, приветствуя ее доброй улыбкой, усадили спасительницу на почетное место.

— Все хорошо? — робко спросил Бордой.

— Э-э, глупые ваши лежари! Ребенок пошел неправильно, а они чего только не делали с несчастной! Стоило его выправить, он сам выбежал, — смеялась фельдшерница. — Иди, посмотри сына. Весь в тебя — такой же богатырь!

На той пришли Никодим и Сайму.

— Я, Бордой, бедный человек, — сказал мастеровой, приветствуя хозяина, — но руки ты мои знаешь — я сделаю для твоего сына хорошую зыбку.

— Спасибо на добром слове, брат, — и Бордой поклонился ему. — Для ребенка, конечно, зыбка нужна. Ты, говорят, хочешь у нас остаться?

— Желанье-то у меня есть, да примете ли вы меня, нищего? Ведь у меня нет ни коровенки, ни лошаденки, ни даже овцы захудалой. Один топор да кой-какой инструментишко.

— Топор у тебя — серебро, руки — золото.

В казане уже сварилось мясо, на столе появилась арака, и начался той. Старушки скоро запьянели, и до поздней ночи не было конца песням.

* * *

А в сельском Совете проходило первое комсомольское собрание, на котором присутствовало... три комсомольца, приняли четвертого, восемнадцатилетнего Амырчи. На собрание приехал секретарь райкома комсомола и зашел председатель сельского Совета коммунист Оинчи Толосов.

Мерцающий свет керосиновой лампы слабо освещал юношей, обдавая красным цветом и без того раздумяившиеся их лица. У председателя собрания был острый взгляд и капризные ребячьи губы. Черная гимнастерка, подпоясанная военным ремнем, на котором висел наган, придавала ему вид военного человека, а трубка с изогнутым мундштуком, которую он не выпускал изо рта, говорила о том, что это человек взрослый.

Секретарь райкома Кергилов был пышно-волосый, загорелый и бойкий и, казалось, что он вот-вот вскочит из-за стола и убежит. Слушая рассказ Сайму о поединке с Захарьевым, он смеялся раскатисто, до слез.

— Вот черт! Смотри, как испытывает нашего брата, — сказал он, перестав смеяться. — Кулак — наш классовый враг, и ты дал отпор ему. Есть предложение: выдвинуть тебя, Сайму, секретарем комсомольской ячейки. Как вы, товарищ Толосов, смотрите на это.

Толосов вынул изо рта трубку, выпустил дым и утвердительно кивнул:

— Подойдет.

Сайму старательно писал протокол. Когда решался вопрос о его секретарстве, он покраснел и склонился над столом.

— Теперь и в Сары-Кобы комсомольская ячейка! — торжествовал секретарь райкома. — Это большое дело! Привлекайте к себе лучших, честных парней и девушек, особенно девушек, — подчеркнул он. — Молодежь должна активно участвовать в строительстве новой жизни. Ваша главная задача — бороться с кулачеством, с нашими классовыми врагами, помогать комбеду. Это для нас — первая и главная задача. Второе — борьба с неграмотностью и бескультурьем; словом, самим учиться и вовлекать в учебу молодежь...

За окном вдруг раздался выстрел. Зазвенело стекло. Пуля пролетела мимо Толосова и ушла в печку. Все вскочили, кто-то затушил лампу...

— Из-за угла бьют, дьяволы! — возмутился Толосов, вынимая из кабуры наган. Он выбежал на улицу и выстрелил в воздух. За ним последовали комсомольцы. Но бандиты уже скрылись.

— Враг мстит, мы должны быть бдительны, — уже на улице закончил свою речь Кергилов.

Секретарь райкома Кергилов был пышно-волосый, загорелый и бойкий и, казалось, что он вот-вот вскочит из-за стола и убежит. Слушая рассказ Сайму о поединке с Захарьевым, он смеялся раскатисто, до слез.

— Вот черт! Смотри, как испытывает нашего брата, — сказал он, перестав смеяться. — Кулак — наш классовый враг, и ты дал отпор ему. Есть предложение: выдвинуть тебя, Сайму, секретарем комсомольской ячейки. Как вы, товарищ Толосов, смотрите на это.

Толосов вынул изо рта трубку, выпустил дым и утвердительно кивнул:

— Подойдет.

Сайму старательно писал протокол. Когда решался вопрос о его секретарстве, он покраснел и склонился над столом.

— Теперь и в Сары-Кобы комсомольская ячейка! — торжествовал секретарь райкома. — Это большое дело! Привлекайте к себе лучших, честных парней и девушек, особенно девушек, — подчеркнул он. — Молодежь должна активно участвовать в строительстве новой жизни. Ваша главная задача — бороться с кулачем, с нашими классовыми врагами, помогать комбеду. Это для нас — первая и главная задача. Второе — борьба с неграмотностью и бескультурьем; словом, самим учиться и вовлекать в учебу молодежь...

За окном вдруг раздался выстрел. Зазвенело стекло. Пуля пролетела мимо Толосова и ушла в печку. Все вскочили, кто-то затушил лампу...

— Из-за угла бьют, дьяволы! — возмутился Толосов, вынимая из кабуры наган. Он выбежал на улицу и выстрелил в воздух. За ним последовали комсомольцы. Но бандиты уже скрылись.

— Враг мстит, мы должны быть бдительны, — уже на улице закончил свою речь Кергилов.

АНЧИ

Маленький, с шустрými глазами, вечно улыбающийся Анчи слыл в колхозе работягой и безотказным от всякой черной работы. А еще он крепко любил своих детей. И вот однажды Анчи не вышел на работу и рано утром зашел в правление колхоза.

— Почему не на работе? — набросился на него председатель Карачи Чачаяков. Это был крупный и угловатый мужчина в богатой лисьей шапке с шелковой кисточкой, которую никогда не снимал, и в колхозе смеялись, что он в ней даже спит. — Лодырей буду гнать из колхоза, — повысил он голос, не давая раскрыть рта Анчи. — Или ты это делаешь с умыслом, чтобы сорвать мне сенокос?

— Сынок тяжело болен, — сказал Анчи. Лошадь бы мне, в больницу его непременно

надо отвезти, — с дрожью в голосе закончил он, упершись глазами в ноги и, сняв старенькую шапчонку, вытер грязной ее подкладкой вспотевшее от волнения лицо.

— Гм-м! Сынок, говоришь, болен? — нацелил на него глаза председатель, словно впервые его видел или он сказал что-то такое сомнительное.

«Что за напасть? — думал Анчи. — Правду, видно, говорят, что к Карачи лучше не ходить, кричит хуже старого бая».

Сев за стол, Карачи продолжал орать:

— Ты, оказывается, хитрый шайтан!.. Так вот, что я тебе скажу: как председатель, я не разрешаю тебе! — И стукнул по столу кулаком. — Уедешь без разрешения, исключу из колхоза. Ясно?

Анчи нахлобучил шапку, посмотрел в его красные глаза и, с трудом сдерживая гнев, сказал:

— Ну, посмотрим, кто кого «исключит»..

— Ах, ты еще стращаешь? — вскочил словно ужаленный, Карачи. — Да что ты со мной сделаешь? Я — железный столб, а ты кто?

— Ты, ты... без стыда и совести, а я — человек! — гордо сказал Анчи, выпрямившись перед председателем, и, плюнув, вышел из правления.

Придя домой, Анчи услышал стон больного сына, самого старшего пятнадцатилетнего мальчика, и его стон отцу казался острее ножа, который хотят вонзить в сердце. Жена

сидела, склонившись над больным, гладила его по голове, давясь от слез.

— На глазах тает, — тихо сказала жена, указывая на сына.

— Эх, сынок, сынок! — тяжело вздохнул Анчи. — Хотел вырастить и выучить тебя, сделать самостоятельным, а ты и шэжээм не окончил, — сокрушался он. На мгновение задумавшись, повелительно сказал жене: — Собирайтесь! Поедем в больницу. — И он вышел из избы.

Разбитая бричка подпрыгивала на каждой кочке и выбоине.

— Тише, папка, тише, — с трудом сказал мальчик. — У меня и так голова вот-вот расколется...

Оберегая больного от качки, мать положила его голову на свои колени. Каждый его стон отдавался в ее сердце. Анчи сидел на козлах, бессмысленно глядя на разбитую дорогу и горы, и, казалось, ни о чем не думал. Жалоба сына вывела его из забытья, и у него снова защемило сердце. «Какую еще напасть обрушит на меня жизнь?» — подумал он, направляя лошадей на обочину дороги.

...Доктор, мельком осмотрев больного, пожал плечами и сказал:

— Оденьте мальчика и можете идти, а отец — останься. — Вымыв руки, он повернулся к Анчи и снова пожал плечами.

— Я, уважаемый, ничем помочь не могу. Болезнь запущена...

— Что же нам делать с ним? — словно

бы про себя сказал Анчи, глядя с мольбой на врача. — Или он умрет? — Глаза его повлажнели, губы затряслись. И вдруг закричал: — Так кто же вылечит его, если не доктор? Не шаман же. Я — коммунист, ни в шамана, ни в бога не верю.

— Что он говорит? — испугался врач, не понимая алтайского языка.

— Возвращайся домой, — громко сказал врач, словно Анчи был глухой. — Мы — бесильны. Надо везти в город.

Анчи не понимал его. Ему хотелось спросить, что у сына за болезнь и отчего, но, не подобрав русских слов, учтиво поклонился и вышел из кабинета.

— Доктор сказал, сынок, что ты скоро поправишься, — схитрил Анчи, пытаясь улыбнуться.

— Зачем ты, отец, говоришь неправду? Я хорошо знаю русский язык и все понял. — Мальчик закрыл глаза и словно бы забылся. — Доктор сказал плохое. На что же мне теперь надеяться?

Отец и мать, слушая сына, боялись смотреть друг другу в глаза.

...И снова дома. Мать не отходила от больного, оберегая его покой. С улицы доносился шум младших детей, слезы, смех, перебранка. И вот они стайкой ввалились в дом — один меньше другого. Закрыв за собою дверь, дети притихли, зашептались, боясь произнести громко хоть одно слово. Внимание матери привлек самый меньший. Он был

без штанишек, грязный, как трубочист, с рас-
трепанными волосенками.

— Ну, иди, иди ко мне, — ласково сказа-
ла мать.

И карапуз бросился к ней, воткнулся в
колени и засопел, обхватив мать худенькими
ручонками.

— Садитесь к столу! — сказал отец де-
тям. — Но чтобы... ни гу-гу-у! Сидеть тихо!—
Он налил всем чай, раздал привезенные ба-
ранки, леденцы. — Ешьте! — «Как еще дол-
го их воспитывать, чтобы они догнали стар-
шего!» — подумал Анчи, любуясь ими. — Вот
так и сидите. А я, мать, пойду. Если что,
пришли за мной ребятишек. Но на ночь я все
равно приду домой.

...В душный летний вечер состоялось вне-
очередное партийное собрание. Секретарь
ячейки Дельбак Томанов, в прошлом батрак
Монди-бая, партизан гражданской войны,
сидел за столом счетовода, распахивая лок-
тями конторские книги.

— Кажется, все налицо? — неизвестно ко-
го спросил он.

— Пять человек как пять пальцев, — раз-
вязно ответил Карачи Чачаяков. — Один се-
годня отрежем и выбросим... на помойку. --
И он засмеялся, считая, что сказал очень
остроумно.

— Постой, Карачи, собрание, кажется, ве-
ду я, — одернул его Дельбак. Он прошел к
двери, закрыл ее на крючок, задвинул на ок-
не ставню и, убедившись, что для безопасно-

сти и секретности все условия созданы, не торопясь, раскурил трубку.

— Сегодня мы должны рассмотреть заявление председателя колхоза Карачи Чачаякова о поведении коммуниста Анчи Мергенова. Других вопросов у меня нет. Будут дополнения?.. Нет. Тогда, Карачи, давай, повтори свое заявление.

Карачи встал, оперся обеими руками на стол и, метнув злыми глазами на Анчи, сидевшего в сторонке, как заправский оратор, начал:

— Товарищи!..

— Да ты потише! — заметил секретарь.
— Мы не глухие, а стенам слушать не обязательно.

— Вот именно. Но они тоже слышат. Да, да, товарищи. Мы переживаем такой момент, когда контра всякая ходит за нами по пятам. Враги народа пробрались в наши ряды. А почему, спрашиваю я вас? Мы часто забываем о бдительности. Вот именно, о бдительности. Вчера некто был всеми нами уважаемый, а сегодня он — тю-тю, — и Карачи сделал из пальцев решетку.

— В заявлении ты этого не писал, — снова прервал его секретарь. — Ближе к делу.

— Вот именно... И у нас коммунист Анчи Мергенов в ответственное время сеноуборки самовольно взял у конюха двух рабочих коней, разъездную бричку, посадил жену, сына и отправился в неизвестном направлении. Что это такое, товарищи коммунисты, как не вре-

дительство? А посмотришь, он тише воды, ниже травы. Но это не так, товарищи. Когда я ему категорически запретил дезертировать с трудового нашего колхозного фронта, он угрожал мне, подрывая авторитет руководящего работника, то есть меня, товарищи.

Коммунисты переглянулись, кто-то нарочито закашлял.

— Минуточку, товарищи, я еще не кончил... — властно крикнул докладчик.

— Тише, говорю тебе! — рассердился То-манов.

— Я вас спрашиваю, — продолжал, снизив тон, Карачи, — можно ли верить в такой ответственный момент коммунисту Мергенову. И как честный коммунист, — тут Карачи ударил себя в грудь, — я предлагаю привлечь его к уголовной ответственности... Но, но, минуточку. А чтобы он не позорил на скамье подсудимых звание коммуниста, — исключить его из партии... Вот именно!.. Я кончил.

— Кто хочет сказать? — спросил Дельбак, глядя то на Бордомаша, то на Байчи. Бордомаш давно знал выскочку и болтуна Карачи и, поглаживая козлиную бородку, подумал: «Чтобы не быть врагом Советской власти, промолчу, но клеветать на соседа не буду». А Байчи, склонившись над листом бумаги, — он вел протокол, — почесывая карандашом за ухом, робко сказал:

— У Анчи сынишка тяжело болен, на улице слышно, как малый изводится, стонет...

Карачи перебил его:

— Это не партийное выступление! Прошу мне слово!

— Напрасно винишь человека! — осмелел Байчи. — Вот и все.

— Анчи — давний враг народа, — выпалил Карачи. — Он был за границей. И у Колчака служил. Или этого мало?

— Я — враг народа? — впервые подал голос Анчи, распрямив спину. Положив трубку, он вскочил с места и подошел вплотную к Карачи: — Ты... — и, взяв его за грудь, плюнул ему в лицо. — Вот тебе...

— А-ай! — истерически завизжал Карачи.

— С ума сошел! — возмутился Дельбак, осуждая Анчи.

Карачи вытер лицо, притих. Все молчали.

— Анчи, почему ты уехал без разрешения и куда? Скажи честно.

— Говорили же, сын болен, в больницу, к доктору ездил, — ответил Анчи.

— Какие будут предложения?

— Исключить из партии и отдать под суд, — запальчиво крикнул Карачи.

— Других предложений нет?..

Все молчали.

— Конечно, выходка Анчи, — сказал председательствующий, — не в его пользу. Но мое мнение — только исключить, а в суд не подавать. Кто за первое предложение?

Руку поднял один Карачи.

— Второе предложение — мое. Кто «за»?

Бордомаш, а за ним и Байчи нехотя подняли руки.

— Большинство, — заключил Дельбак. — Решение ячейки вынесем на утверждение бюро райкома партии.

Натянув шапчонку, Анчи подошел к двери, держась за крючок, сказал:

— У коммуниста можно отнять партбилет, но никто не отнимет у меня чести. А вы. — он не договорил и, сбросив крючок, широко распахнул перед собой дверь и вышел из правления...

СОДЕРЖАНИЕ

Белолицый бог	3
Новое время	10
Возвращение	41
Мать	55
Одного рода	60
Тень	70
Из тридцатых годов (этюды)	79
Анчи	90

Аржан Оинчинович Адаров

Годы и люди

Редактор *Г. В. Кондаков*
Художественный редактор *А. М. Кузнецов*
Технический редактор *М. П. Телтиев*
Корректоры *Л. В. Ешева* и *О. Е. Шабуракова*

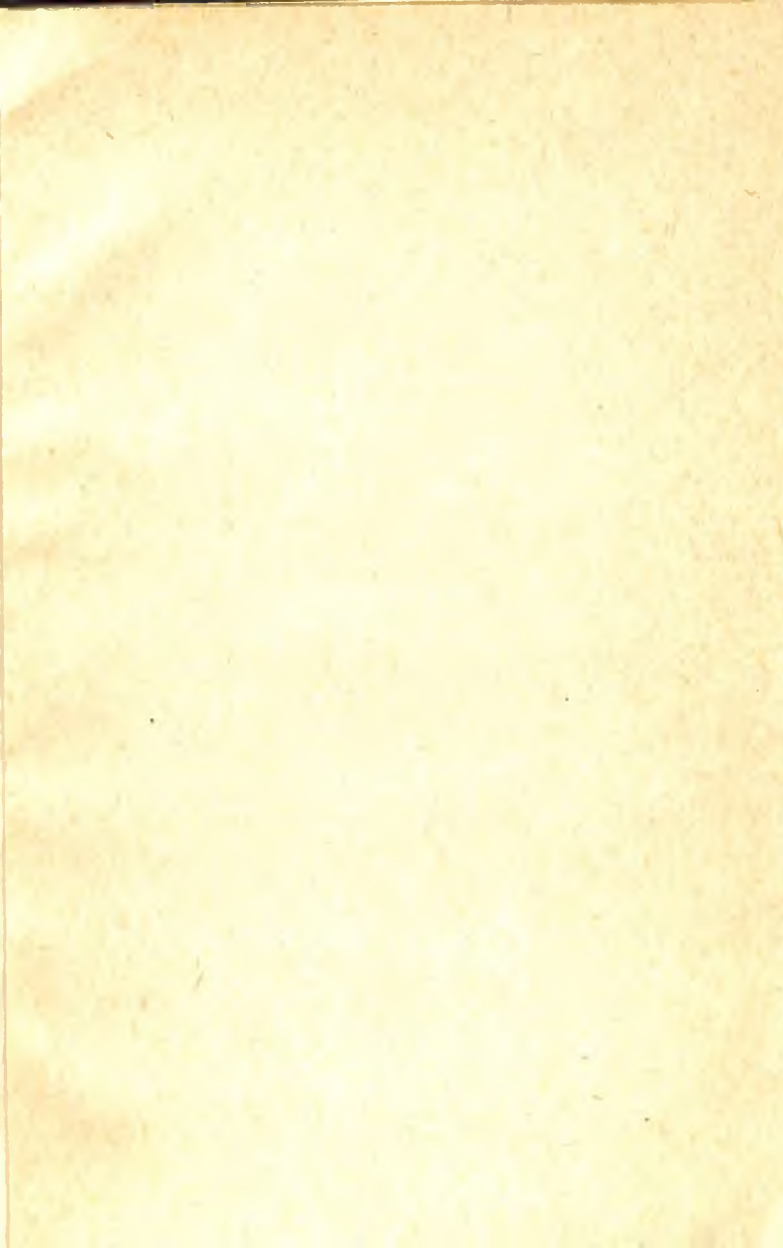
Сдано в набор 5/1 1962 г. Подписано к печати
9/IV 1962 г. Формат 70×92¹/₃₂. Физ. п. л. 3,13.

Усл. п. л. 3,66. (Уч.-изд. л. 3,15).

АН 07597. Заказ 38. Тираж 2000 экз.

Цена 10 коп.

Горно-Алтайское книжное издательство,
типография № 15, г. Горно-Алтайск,
проспект Коммунистический, 29.

Цена 10 коп.